Л. Н. Толстой

Христіанское ученіе

Berlin
Heinrich Caspari
Verlagsbuchhandlung

E

Л. Н. Толстой

Христіанское ученіе

Berlin
Heinrich Caspari
Verlagsbuchhandlung

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Жилъ я до 50-ти лѣтъ, думая, что та жизнь человѣка, которая проходитъ отъ рожденія и до смерти, и есть вся жизнь его, и что потому цѣль человѣка есть счастье въ этой смертной жизни и я старался получить это счастье, но чѣмъ дальше я жилъ, тѣмъ очевиднѣе становилось, что счастья этого нѣтъ и не можетъ быть. То счастье, которое я искалъ, не давалось мнѣ, то же, котораго я достигалъ, тотчасъ же переставало быть счастіемъ. Несчастій же становилось все больше и больше и неизбѣжность смерти становилась все очевиднѣе и очевиднѣе, и я понялъ, что послѣ этой безсмысленной и несчастной жизни меня ничего не ожидаетъ кромѣ страданія, болѣзни, старости и уничтоженія; я спросилъ себя: зачѣмъ это? и не получилъ отвѣта. И я пришелъ въ отчаяніе.

То, что говорили мнѣ нѣкоторые люди и въ чемъ я самъ иногда старался увѣрить себя, что надо желать счастья не себѣ одному, но другимъ, близкимъ и всѣмъ людямъ, не удовлетворяло меня во 1-хъ потому, что я не могъ искренно такъ же какъ себѣ желать счастья другимъ людямъ, во 2-хъ и главное потому, что другіе люди точно такъ же

какъ и я были обречены на несчастье и смерть. И потому всѣ мои старанія объ ихъ благѣ были тщетны.

Я пришелъ въ отчаяніе. Но я подумалъ, что мое отчаяніе можетъ происходить отъ того, что я особенный человѣкъ, что другіе люди знаютъ, зачѣмъ живутъ и потому не приходятъ въ отчаяніе.

И я сталъ наблюдать другихъ людей, но другіе люди точно такъ же, какъ и я, не знали, зачѣмъ они живутъ. Одни старались суетой жизни заглушить это незнаніе, другіе же увѣряли себя и другихъ, что они вѣрятъ въ разныя вѣры, которыя съ дѣтства внушены имъ; но вѣрить въ то, во что они вѣрили, невозможно было, такъ это было глупо. Да и многіе изъ нихъ, мнѣ казалось, только притворялись, что они вѣрятъ, но въ глубинѣ души не вѣрили.

Продолжать суетиться я уже не могъ: никакая суета не скрывала непрестанно стоящаго передо мною вопроса, и такъ же не могъ вновь начать вѣрить въ ту вѣру, которая была преподана мнѣ съ дѣтства и которая, когда я возмужалъ умомъ, сама собой отпала отъ меня. Но чѣмъ больше я изучалъ, тѣмъ больше я убѣждался, что тутъ и не можетъ быть истины, что тутъ одно лицемѣріе и корыстные виды обманывающихъ и слабоуміе, упрямство и страхъ обманутыхъ.

Не говоря уже о внутреннихъ противорѣчіяхъ этого ученія, о низменности, жестокости его, признающаго Бога карающимъ людей вѣчными мученіями[1]),

[1]) Всѣ противорѣчія эти, безсмыслицы и жестокости я изложилъ подробно въ книгѣ: «Критика Догматическаго

главное, что не позволяло мнѣ повѣрить въ это ученіе было то, что я зналъ, что рядомъ съ этимъ православнымъ христіанскимъ ученіемъ, утверждавшимъ, что оно одно въ истинѣ, было другое христіанское католическое, третье лютеранское, четвертое реформатское, — и всѣ различныя христіанскія ученія, изъ которыхъ каждое про себя утверждало, что оно одно въ истинѣ; зналъ я и то, что рядомъ съ этими христіанскими ученіями существуютъ еще нехристіанскія религіозныя ученія — буддизма, браманизма, магометанства, конфуціанства и др. точно также считающія только себя истинными, всѣ же другія ученія — заблужденіемъ.

И я не могъ вернуться ни къ той вѣрѣ, которой былъ наученъ съ дѣтства, ни повѣрить въ какую либо изъ тѣхъ, которыя исповѣдывали другіе народы, потому что во всѣхъ были одни и тѣ же противорѣчія, безсмыслицы, чудеса, отрицающія всѣ другія вѣры, а главное, ихъ обманъ требованія слѣпого довѣрія своему ученію.

Итакъ, я убѣдился въ томъ, что въ существующихъ вѣрахъ я не найду разрѣшенія моего вопроса и облегченія моихъ страданій. Отчаяніе мое было таково, что я былъ близокъ къ самоубійству.

Но тутъ и пришло мнѣ спасеніе. Спасеніе было въ томъ, что я съ дѣтства удержалъ смутное представленіе о томъ, что въ Евангеліи есть отвѣтъ на мой вопросъ. Въ ученіи этомъ, въ Евангеліи, не

Богословія,» въ которой положеніе за положеніемъ разсмотрѣны всѣ церковные догматы православнаго богословія.

смотря на всѣ извращенія, которымъ оно подверглось въ ученіи христіанской церкви, я чуялъ истину. И я сдѣлалъ послѣднюю попытку: откинувъ всякія толкованія евангельскаго ученія, я сталъ читать и изучать Евангелія и вникать въ смыслъ ихъ. И чѣмъ больше я вникалъ въ смыслъ этой книги, тѣмъ больше мнѣ уяснялось нѣчто новое, совсѣмъ не похожее на то, чему учатъ христіанскія церкви, но отвѣчающее на вопросъ моей жизни. И наконецъ отвѣтъ этотъ сталъ совершенно ясенъ.

И отвѣтъ этотъ былъ не только ясенъ, но и несомнѣненъ во первыхъ тѣмъ, что онъ вполнѣ совпадалъ съ требованіями моего разума и сердца, во вторыхъ тѣмъ, что когда я понялъ его, то я увидалъ, что отвѣтъ этотъ не есть исключительное мое толкованіе Евангелія, какъ это могло показаться, и не есть даже исключительно откровеніе Христа, но что этотъ самый отвѣтъ на вопросъ жизни болѣе или менѣе ясно высказывали всѣ лучшіе люди человѣчества и до и послѣ Евангелія, начиная съ Моисея, Исаіи, Конфуція, древнихъ грековъ, Будды, Сократа и до Паскаля, Спинозы, Фихте, Фейербаха и всѣхъ тѣхъ, часто незамѣтныхъ и не прославленныхъ людей, которые искренно, безъ взятыхъ на вѣру ученій, думали и говорили о смыслѣ жизни. Такъ что въ познаніи почерпнутой мной изъ Евангелій истины, я не только не былъ одинъ, но былъ со всѣми лучшими людьми прежняго и нашего времени. И я утвердился въ этой истинѣ, успокоился и радостно прожилъ послѣ этого 20 лѣтъ своей жизни и радостно приближаюсь къ смерти.

И вотъ этотъ отвѣтъ на смыслъ моей жизни, давшій мнѣ полное успокоеніе и радость жизни я и хочу передать людямъ.

Я стою по своему возрасту, состоянію здоровья одной ногой въ гробу, и потому человѣческія соображенія не имѣютъ для меня значенія, и ежели бы имѣли какое либо значеніе, то я знаю, что это изложеніе моей вѣры не только не будетъ содѣйствовать ни моему благосостоянію, ни доброму мнѣнію обо мнѣ людей; но напротивъ, только можетъ возмутить и огорчить какъ людей невѣрующихъ, требующихъ отъ меня литературныхъ писаній, а не разсужденій о вѣрѣ, такъ и вѣрующихъ, возмущающихся всякими моими религіозными писаніями и бранящими меня за нихъ. Кромѣ того по всѣмъ вѣроятіямъ писаніе это станетъ извѣстно людямъ только послѣ моей смерти. И потому побуждаетъ меня къ тому, что я дѣлаю, не корысть, не слава, не мірскія соображенія, а только страхъ не исполнить того, чего отъ меня хочетъ Тотъ, Кто послалъ меня въ этотъ міръ, къ Которому я каждый часъ жду своего возвращенія.

И потому я прошу всѣхъ тѣхъ, которые будутъ читать это, читать и понимать мое писаніе, откинувъ такъ же какъ и я, всѣ свѣтскія соображенія, имѣя въ виду только то вѣчное начало истины и добра, по волѣ котораго мы пришли въ этотъ міръ, и очень скоро, какъ тѣлесныя существа, исчезнемъ изъ него, и безъ поспѣшности и раздраженія понимать и обсуждать то, что я высказываю, и въ случаѣ несогласія не съ презрѣніемъ и ненавистью, а съ

сожалѣніемъ и любовью поправлять меня; въ случаѣ же согласія со мной помнить, что если я говорю истину, то истина эта не моя, а Божія и что только случайно часть ея проходитъ черезъ меня, точно такъ же, какъ она проходитъ черезъ каждаго изъ насъ, когда мы познаемъ истину и передаемъ ее.

ХРИСТІАНСКОЕ УЧЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Древнія вѣроученія и новое жизнепониманіе.

1.

Древнія вѣроученія.

1. Всегда, съ самыхъ древнихъ временъ, люди чувствовали бѣдственность, непрочность и безсмысленность своего существованія и искали спасенія отъ этой бѣдственности, непрочности и безсмысленности въ вѣрѣ въ Бога или боговъ, которые могли бы избавлять ихъ отъ различныхъ бѣдъ этой жизни и въ будущей жизни давали бы имъ то благо, котораго они желали и не могли получить въ этой жизни.

2. И потому съ древнѣйшихъ временъ среди разныхъ народовъ были и разные проповѣдники, которые учили людей о томъ, каковы тотъ Богъ или тѣ боги, которые могутъ спасать людей, и о томъ, что нужно было дѣлать для того, чтобы угодить этому Богу или богамъ, для того, чтобы получить награду въ этой или будущей жизни.

3. Одни религіозныя ученія учили тому, что Богъ этотъ есть солнце и олицетворяется въ разныхъ животныхъ; другіе учили, что боги — это небо и земля; третьи учили тому, что Богъ создалъ міръ

и избралъ изъ всѣхъ народовъ одинъ любимый народъ; четвертые учили, что есть много боговъ, и что они участвуютъ въ дѣлахъ людей; пятые учили тому, что Богъ, принявъ образъ человѣка, сошелъ на землю.

И всѣ эти учители, перемѣшивая истину съ ложью, требовали отъ людей, кромѣ воздержанія отъ поступковъ, считавшихся дурными — и исполненія дѣлъ, считавшихся добрыми, еще и таинства, и жертвы, и молитвы, которыя больше всего другого должны были обезпечивать людямъ ихъ благо въ этомъ мірѣ и въ будущемъ.

2.

Недостаточность древнихъ вѣроученій.

4. Но чѣмъ больше жили люди, тѣмъ меньше и меньше удовлетворяли эти вѣроученія требованіямъ души человѣческой.

5. Люди видѣли во первыхъ то, что счастье въ этомъ мірѣ, къ которому они стремились, не достигалось, не смотря на исполненіе требованій Бога или боговъ.

6. Во вторыхъ, вслѣдствіе распространенія просвѣщенія, довѣріе къ тому, что проповѣдывали религіозные учители о Богѣ, о будущей жизни и о наградахъ въ ней, не совпадая съ уяснившимися понятіями о мірѣ, все ослабѣвало и ослабѣвало.

7. Если прежде люди безпрепятственно могли вѣрить тому, что Богъ сотворилъ міръ 6000 лѣтъ тому назадъ, что земля есть центръ вселенной, что подъ землей находится адъ, что Богъ сходилъ на

землю и потомъ улетѣлъ на небо и т. п., то теперь уже этому нельзя вѣрить, потому что люди вѣрно знаютъ, что міръ существуетъ не 6000 лѣтъ, а сотни тысячъ лѣтъ, что земля не есть центръ міра, а только очень маленькая планета въ сравненіи съ другими небесными тѣлами и знаютъ, что подъ землей ничего не можетъ быть, такъ какъ земля шаръ; знаютъ, что улетѣть на небо нельзя, потому что неба нѣтъ, а есть только кажущійся сводъ небесный.

8. Въ третьихъ, главное — подрывалось довѣріе къ этимъ различнымъ ученіямъ тѣмъ, что люди, вступая въ болѣе близкое общеніе между собой, узнавали про то, что въ каждой странѣ религіозные учителя проповѣдуютъ свое особенное ученіе, признавая одно свое — истиннымъ, и отрицаютъ всѣ другія.

И люди, зная про это, естественно дѣлали выводъ о томъ, что ни одно изъ этихъ ученій не болѣе истинно, чѣмъ другое, и что потому ни одно изъ нихъ не можетъ быть принято за несомнѣнную и непогрѣшимую истину.

3.

Необходимость новаго вѣроученія, соотвѣтствующаго степени просвѣщенія человѣчества.

9. Недостижимость счастія въ этой жизни, все распространяющееся просвѣщеніе человѣчества и общеніе людей между собой, вслѣдствіе котораго они узнавали вѣроученія другихъ народовъ, дѣлали то, что довѣріе людей къ преподаннымъ имъ вѣроученіямъ все ослабѣвало и ослабѣвало.

10. А между тѣмъ, потребность объясненія смысла жизни и разрѣшенія противорѣчія между стремленіемъ къ счастью и жизни съ одной стороны, и все болѣе и болѣе уяснявшимся сознаніемъ неизбѣжности бѣдствія и смерти съ другой — становилась все настоятельнѣе и настоятельнѣе.

11. Человѣкъ желаетъ себѣ блага, видитъ въ этомъ смыслъ своей жизни, и чѣмъ больше онъ живетъ, тѣмъ болѣе видитъ, что благо это для него невозможно; человѣкъ желаетъ жизни, продолженія ея, и видитъ, что и онъ, и все существующее вокругъ него обречено на неизбѣжное уничтоженіе и исчезновеніе; человѣкъ обладаетъ разумомъ и ищетъ разумнаго объясненія явленій жизни, и не находитъ никакого разумнаго объясненія ни своей, ни чужой жизни.

12. Если въ древности сознаніе этого противорѣчія между жизнью человѣческою, требующей блага и продолженія ея — и неизбѣжностью смерти и страданій было доступно только лучшимъ умамъ, какъ Соломону, Буддѣ, Сократу, Лао-Дзи и др., то въ позднѣйшее время это стало истиной, доступной всѣмъ; и потому разрѣшеніе этого противорѣчія стало нужнѣе, чѣмъ когда нибудь.

13. И вотъ именно въ то время, когда разрѣшеніе противорѣчія стремленія къ благу и жизни, съ сознаніемъ невозможности ихъ, стало особенно мучительно необходимымъ для человѣчества, — оно и дано было людямъ христіанскимъ ученіемъ въ его истинномъ значеніи.

4.

Въ чемъ состоитъ разрѣшеніе противорѣчія жизни и объясненіе ея смысла, даваемое христіанскимъ вѣроученіемъ въ его истинномъ значеніи.

14. Древнія вѣроученія своими увѣреніями о существованіи Бога-творца, промыслителя и искупителя, старались скрыть противорѣчіе жизни человѣческой; христіанское же ученіе, напротивъ, показываетъ людямъ это противорѣчіе во всей его силѣ; показываетъ имъ то, что оно должно быть, и изъ признанія противорѣчія выводитъ и разрѣшеніе его. Противорѣчіе состоитъ въ слѣдующемъ:

15. Дѣйствительно, съ одной стороны человѣкъ есть животное и не можетъ перестать быть животнымъ, пока онъ живетъ въ тѣлѣ, съ другой стороны онъ есть духовное существо, отрицающее всѣ животныя требованія человѣка.

16. Человѣкъ въ первое время своей жизни живетъ, не зная о томъ, что онъ живетъ, такъ что живетъ не онъ самъ, но черезъ него живетъ та сила жизни, которая живетъ во всемъ, что мы знаетъ.

17. Человѣкъ начинаетъ жить самъ только тогда, когда знаетъ, что онъ живетъ. Знаетъ же онъ, что живетъ, когда знаетъ, что желаетъ блага себѣ и что другія существа желаютъ того же. Это знаніе даетъ ему пробудившійся въ немъ разумъ.

18. Узнавъ же то, что онъ живетъ и желаетъ блага себѣ и что того же желаютъ другія существа, человѣкъ неизбѣжно узнаетъ и то, что то благо, котораго онъ желаетъ для своего отдѣльнаго су-

щества, недоступно ему и что вмѣсто того блага, котораго онъ желаетъ, ему предстоятъ неизбѣжныя страданія и смерть. То же самое предстоитъ и всѣмъ другимъ существамъ. И является противорѣчіе, которому человѣкъ ищетъ разрѣшенія такого, при которомъ его жизнь, такая, какая она есть, имѣла бы разумный смыслъ. Онъ хочетъ, чтобы жизнь продолжала бы быть тою, какою она была до пробужденія его разума, т. е. совсѣмъ животною, или чтобы она была уже совсѣмъ духовною.

19. Человѣкъ хочетъ быть звѣремъ или ангеломъ, но не можетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ.

20. И тутъ то является то разрѣшеніе этого противорѣчія, которое даетъ христіанское ученіе. Оно говоритъ человѣку, что онъ ни звѣрь, ни ангелъ, но ангелъ, рождающійся отъ звѣря, — духовное существо, рождающееся изъ животнаго. Что все наше пребываніе въ этомъ мірѣ есть ничто иное, какъ это рожденіе.

5.

Въ чемъ состоитъ рожденіе духовнаго существа?

21. Какъ только человѣкъ пробуждается къ разумному сознанію, сознаніе это говоритъ ему, что онъ желаетъ блага; а такъ какъ разумное сознаніе его пробудилось въ его отдѣльномъ существѣ, — то ему кажется, что его желаніе блага относится къ его отдѣльному существу.

22. Но то самое разумное сознаніе, которое показало ему себя отдѣльнымъ существомъ, желающимъ себѣ блага, показываетъ ему и то, что отдѣль-

ное существо это не соотвѣтствуетъ тому желанію блага и жизни, которыя онъ ему приписываетъ, онъ видитъ, что отдѣльное существо это не можетъ имѣть ни блага, ни жизни.

23. «Что же имѣетъ истинную жизнь?» спрашиваетъ онъ себя и видитъ, что истинной жизни не имѣетъ ни онъ, ни тѣ существа, которыя окружаютъ его, а только то, что желаетъ блага.

24. И, познавъ это, человѣкъ перестаетъ признавать собою свое отдѣльное отъ другихъ тѣлесное и смертное существо, а признаетъ собою то нераздѣльное отъ другихъ духовное и потому не смертное существо, которое открыто ему его разумнымъ сознаніемъ.

Въ этомъ состоитъ рожденіе въ человѣкѣ новаго духовнаго существа.

6.

Что такое то существо, которое рождается въ человѣкѣ?

25. Существо, открываемое человѣку его разумнымъ сознаніемъ, есть желаніе блага, есть то же самое желаніе блага, которое и прежде составляло цѣль его жизни, но съ той разницей, что желаніе блага прежняго существа относилось къ отдѣльному одному тѣлесному существу, и не сознавало себя, теперешнее же желаніе блага сознаетъ себя и потому относится не къ чему либо отдѣльному, а ко всему существующему.

26. Въ первое время пробужденія разума человѣку казалось, что желаніе блага, которое онъ

сознаетъ собою, относится только къ тому тѣлу, въ которое оно заключено.

27. Но чѣмъ яснѣе и тверже становился разумъ, тѣмъ яснѣе становилось, что истинное существо, истинное *я* человѣка, какъ скоро онъ сознаетъ себя, есть не его тѣло, не имѣющее истинной жизни, а желаніе блага само въ себѣ, другими словами — желаніе блага всему существующему.

28. Желаніе же блага всему существующему есть то, что даетъ жизнь всему существующему, то, что мы называемъ Богомъ.

29. Такъ что существо, которое открывается человѣку его сознаніемъ, рождающееся существо, — есть то, что даетъ жизнь всему существующему, — есть Богъ.

7.

Богъ, по христіанскому ученію познаваемый человѣкомъ въ самомъ себѣ.

30. По прежнимъ ученіямъ для познанія Бога человѣкъ долженъ былъ вѣрить тому, что ему другіе люди говорили о Богѣ, о томъ, какъ Богъ сотворилъ будто бы міръ и людей и потомъ проявилъ себя людямъ; по христіанскому же ученію человѣкъ непосредственно познаетъ Бога своимъ сознаніемъ въ самомъ себѣ.

31. Въ самомъ себѣ сознаніе показываетъ человѣку, что сущность его жизни есть желаніе блага всему существующему, есть нѣчто необъяснимое и невыразимое словами, и вмѣстѣ съ тѣмъ самое близкое и понятное человѣку.

32. Начало желанія блага появилось въ человѣкѣ сначала, какъ жизнь его отдѣльнаго животнаго существа; потомъ какъ жизнь тѣхъ существъ, которыя онъ любилъ, потомъ, съ тѣхъ поръ какъ пробудилось въ немъ его разумное сознаніе, оно проявилось, какъ желаніе блага всему существующему. Желаніе же блага всему существующему есть начало всякой жизни, есть любовь, есть Богъ, какъ и сказано въ Евангеліи, что Богъ есть любовь.

8.

Богъ, по христіанскому ученію познаваемый человѣкомъ внѣ себя.

33. Но кромѣ Бога, познаваемаго по христіанскому ученію въ самомъ себѣ, какъ желаніе блага всему существующему — любовь, — человѣкъ, по христіанскому ученію, познаетъ Его еще и внѣ себя, — во всемъ существующемъ.

34. Сознавая въ своемъ отдѣльномъ тѣлѣ духовное и нераздѣльное существо Бога и видя присутствіе того же Бога во всемъ живомъ, человѣкъ не можетъ не спрашивать себя — для чего Богъ, существо духовное, единое и нераздѣльное, заключилъ себя въ отдѣльныя тѣла существъ и въ тѣло отдѣльнаго человѣка.

35. Для чего существо духовное и единое какъ бы раздѣлилось само въ себѣ? Для чего божественная сущность заключена въ условія отдѣльности и тѣлесности? Для чего безсмертное заключено въ смертное? связано съ нимъ?

36. И отвѣтъ можетъ быть только одинъ: есть высшая воля, цѣли которой недоступны человѣку. И эта то воля поставила человѣка и все существующее въ то положеніе, въ которомъ оно находится. Эта то причина, которая для какихъ то недоступныхъ человѣку цѣлей заключила себя, желаніе блага всему существующему — любовь — въ отдѣльныя отъ остального міра существа, — есть тотъ же Богъ, котораго человѣкъ сознаетъ въ себѣ, — познаваемый человѣкомъ внѣ себя.

Такъ что Богъ по христіанскому вѣроученію есть и та сущность жизни, которую человѣкъ сознаетъ въ себѣ и познаетъ во всемъ мірѣ, какъ желаніе блага; и вмѣстѣ съ тѣмъ и та причина, по которой сущность эта заключена въ условія отдѣльной и тѣлесной жизни.

Богъ, по христіанскому ученію, есть тотъ отецъ, какъ это и сказано въ Евангеліи, который послалъ въ міръ своего подобнаго Себѣ сына для исполненія въ немъ своей воли, — блага всего существующаго.

9.

Подтвержденіе истинности христіанскаго пониманія жизни внѣшнимъ проявленіемъ Бога.

37. Богъ проявляется въ разумномъ человѣкѣ желаніемъ блага всему существующему, и въ мірѣ — въ отдѣльныхъ существахъ, стремящихся каждый къ своему благу.

38. Хотя неизвѣстно и не можетъ быть извѣстно человѣку, для чего нужно было единому духовному

существу — Богу — проявить себя въ разумномъ человѣкѣ желаніемъ блага всему существующему и въ отдѣльныхъ существахъ желаніемъ блага каждаго себѣ, человѣкъ не можетъ не видѣть, что и то и другое сходится къ одной ближайшей опредѣленной, доступной и радостной человѣку цѣли.

39. Цѣль эта открывается человѣку и наблюденіемъ, и преданіемъ, и разсужденіемъ. Наблюденіе показываетъ, что все движеніе въ жизни людей, — насколько оно извѣстно имъ, — состояло только въ томъ, что прежде раздѣленные и враждебные другъ другу существа и люди — все болѣе и болѣе соединяются и связываются согласіемъ и взаимодѣйствіемъ. Преданіе показываетъ человѣку, что всѣ мудрецы міра всегда учили тому, что человѣчество должно отъ раздѣленія переходить къ единенію, какъ говорилъ пророкъ, что всѣ люди должны быть научены Богомъ, копья и мечи перекованы на серпы и плуги, и, какъ говорилъ Христосъ, чтобы всѣ были едины, какъ я единъ съ Отцомъ. Разсужденіе показываетъ человѣку, что наибольшее благо людей, къ которому стремятся всѣ люди, можетъ быть достигнуто только при наибольшемъ единеніи и согласіи людей.

40. И потому, хотя конечная цѣль жизни міра и скрыта отъ человѣка, онъ все таки знаетъ, въ чемъ состоитъ ближайшее дѣло жизни міра, въ которомъ онъ призванъ участвовать, дѣло это есть замѣна раздѣленія и несогласія въ мірѣ — единеніемъ и согласіемъ.

41. Наблюденіе, преданіе, разумъ показываютъ

человѣку, что въ этомъ состоитъ то дѣло Божіе, въ которомъ онъ призванъ участвовать, и внутреннее стремленіе его рождающагося въ немъ духовнаго существа — любви — влечетъ его къ тому же самому.

42. Внутреннее влеченіе рождающагося духовнаго существа человѣка только одно: увеличеніе въ себѣ любви. И это то увеличеніе любви есть то самое, что одно содѣйствуетъ тому дѣлу, которое совершается въ мірѣ: замѣны разъединенія и борьбы — единеніемъ и согласіемъ, то, что въ христіанскомъ ученіи называется установленіемъ Царства Божія.

43. Такъ что если бы и могло быть для человѣка сомнѣніе въ истинности христіанскаго опредѣленія смысла жизни, совпаденіе внутренняго стремленія человѣка по христіанскому ученію съ ходомъ жизни всего міра подтверждало бы эту истинность.

10.

Въ чемъ состоитъ открываемая человѣку христіанскимъ ученіемъ жизнь въ этомъ мірѣ?

44. Рождаясь къ новой жизни, человѣкъ сознаетъ, что въ его отдѣльномъ отъ всѣхъ другихъ существъ существѣ заключено желаніе блага не себѣ одному, а всему существующему — любовь.

45. Если бы это желаніе блага всему существующему, эта любовь, находилась не въ отдѣльномъ существѣ, оно бы не знало про себя и осталось бы всегда равнымъ самому себѣ, но будучи заключено въ предѣлы отдѣльнаго существа — человѣка, оно

сознаетъ себя и свои предѣлы и стремится разорвать то, что связываетъ его.

46. По свойству своему любовь, желаніе блага, стремится обнять все существующее. Естественнымъ путемъ оно расширяетъ свои предѣлы любовью, — сначала къ семейнымъ — женѣ, дѣтямъ, потомъ къ друзьямъ, соотечественникамъ; но любовь не довольствуется этимъ и стремится обнять все существующее.

47. Въ этомъ непрестающемъ расширеніи предѣловъ области любви, составляющемъ сущность рожденія духовнаго существа и заключается сущность истинной жизни человѣка въ этомъ мірѣ. Все пребываніе человѣка въ этомъ мірѣ отъ рожденія и до смерти есть ничто иное, какъ рожденіе въ немъ духовнаго существа. Это непрестающее рожденіе есть то, что въ христіанскомъ ученіи называется жизнью истинной.

48. Можно себѣ представить, что то, что составляетъ наше тѣло, которое теперь представляется какъ отдѣльное существо, которое мы любимъ предпочтительно передъ всѣми другими существами, когда нибудь въ прежней, низшей жизни было только собраніе любимыхъ предметовъ, которые любовь соединила въ одно такъ, что мы его въ этой жизни уже чувствуемъ собою; и что точно также наша любовь теперь къ тому, что доступно намъ, составитъ въ будущей жизни одно цѣльное существо, которое будетъ также близко намъ, какъ теперь наше тѣло (у Отца вашего обителей много).

11.

Чѣмъ разнится истинная жизнь, открываемая христіанскимъ ученіемъ отъ жизни прежней.

49. Разница между личной жизнью и жизнью истинной заключается въ томъ, что цѣль личной жизни состоитъ въ увеличеніи наслажденій внѣшней жизни и продолженіи ея, и цѣль эта, не смотря на всѣ усилія, никогда не достигается, потому что человѣкъ не властенъ надъ внѣшними условіями, препятствующими наслажденію, и надъ всякаго рода бѣдствіями, всегда могущими постигнуть его; цѣль же истинной жизни, состоящая въ расширеніи области любви и увеличеніи ея, ничѣмъ не можетъ быть воспрепятствована, такъ какъ всѣ внѣшнія причины какъ то: насиліи, болѣзни, страданія, которыя мѣшаютъ достиженію цѣли личной жизни, содѣйствуютъ достиженію цѣли духовной.

50. Разница въ томъ, въ чемъ разница между тѣми рабочими, которые, будучи посланы въ хозяйскій садъ, какъ это разсказано въ Евангельской притчѣ, рѣшили, что садъ принадлежитъ имъ, и потому не отдавали плодовъ хозяину, и тѣми, которые признаютъ себя работниками и исполняютъ порученное хозяиномъ.

ЧАСТЬ II.

О грѣхахъ.

12.

Что мѣшаетъ человѣку жить истинной жизнью?

51. Для исполненія своего назначенія человѣкъ долженъ увеличивать въ себѣ любовь и проявлять ее въ мірѣ, — и это увеличеніе любви и проявленіе ея въ мірѣ есть то самое, что нужно для совершенія дѣла Божія. Но что же можетъ дѣлать человѣкъ для проявленія любви?

52. Основа жизни человѣка есть желаніе блага всему существующему. Любовь въ человѣкѣ заключена въ предѣлы отдѣльнаго существа и потому естественно влечется къ расширенію своихъ предѣловъ, такъ что человѣку ничего не нужно дѣлать, чтобы проявлять въ себѣ любовь: она сама собой стремится къ своему проявленію, человѣку нужно только устранять препятствія къ ея продвиганію. Въ чемъ же состоятъ эти препятствія?

53. Препятствія, мѣшающія человѣку проявлять любовь, заключаются въ тѣлѣ человѣка, въ отдѣленности его отъ другихъ существъ: въ томъ, что, начиная свою жизнь младенчествомъ, во время кото-

раго онъ живетъ одною животною жизнью своего отдѣльнаго существа, человѣкъ и впослѣдствіи, когда ужъ въ немъ пробуждается разумъ, не можетъ никогда вполнѣ отрѣшиться отъ стремленія къ благу своего отдѣльнаго существа и совершаетъ поступки, противуположные любви.

13.

Значеніе препятствій къ проявленію любви.

54. Желаніе блага всему существующему — любовь, стремясь къ своему проявленію, встрѣчаетъ препятствія къ этому проявленію въ тѣлѣ человѣка и въ особенности въ томъ, что разумъ человѣка, освобождающій любовь, пробуждается въ человѣкѣ не при появленіи человѣка на свѣтъ, а послѣ извѣстнаго времени, тогда, когда человѣкъ ужъ усвоилъ себѣ привычки животной жизни. Для чего это?

55. Человѣкъ не можетъ не спрашивать себя объ этомъ. Для чего духовное существо — любовь — заключено въ отдѣльное существо человѣка? И на вопросъ этотъ различныя ученія отвѣчали и отвѣчаютъ различно. Одни, пессимистическія, отвѣчаютъ тѣмъ, что заключеніе духовнаго существа въ тѣло человѣка есть ошибка, которая должна быть исправлена уничтоженіемъ тѣла, уничтоженіемъ животной жизни. Другія ученія отвѣчаютъ тѣмъ, что предположеніе о существованіи духовнаго существа есть ошибка, которая должна быть исправлена тѣмъ, чтобы признавать дѣйствительно существующимъ одно тѣло и его законы. И то, и другое ученіе не

разрѣшаетъ противорѣчій, а только не признаетъ — одно: законности тѣла; другое: законности духа. Только христіанское ученіе разрѣшаетъ его.

56. На совѣтъ, который даетъ соблазнитель Христу уничтожить жизнь, если нельзя по своей волѣ удовлетворять всѣмъ требованіямъ животной природы, Христосъ говоритъ, что нельзя противиться волѣ Бога, пославшаго насъ въ жизнь въ видѣ отдѣльнаго существа, но что въ этой жизни отдѣльнаго существа надо служить одному Богу.

57. По христіанскому ученію нужно для разрѣшенія противорѣчія жизни не уничтожить самую жизнь отдѣльнаго существа, что было бы противно волѣ Бога, пославшаго ее, и не покоряться требованіямъ животной жизни отдѣльнаго существа, что было бы противно духовному началу, составляющему истинное *я* человѣка, а должно въ томъ тѣлѣ, въ которое заключено это истинное *я* человѣка, служить одному Богу.

58. Истинное *я* человѣка есть живущая въ немъ, постоянно стремящаяся къ увеличенію, безпредѣльная любовь, сотавляющая основу его жизни. Любовь эта заключена въ предѣлы животной жизни отдѣльнаго существа и всегда стремится къ освобожденію себя отъ нея.

59. Въ этомъ освобожденіи духовнаго существа отъ животной личности, въ этомъ рожденіи духовнаго существа и состоитъ истинная жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка и всего человѣчества.

60. Любовь въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ и въ человѣчествѣ подобна пару, сжатому въ па-

ровникѣ: — паръ, стремясь къ расширенію, толкаетъ поршни и производитъ работу.

Какъ для того, чтобы паръ производилъ свою работу, должны быть препятствія стѣнъ, такъ и для того, чтобы любовь производила свою работу, нужно препятствіе предѣловъ отдѣльнаго существа, въ которое она заключена.

14.

Чего не долженъ дѣлать человѣкъ для того, чтобы жить истинной жизнью?

61. Человѣкъ во время своего младенчества, дѣтства, иногда и позже, живетъ какъ животное, исполняя волю Бога, познаваемую имъ какъ желаніе блага своему отдѣльному существу, и не знаетъ никакой другой жизни.

62. Пробудившись къ разумному сознанію, человѣкъ, хотя и знаетъ, что жизнь его — въ его духовномъ существѣ, продолжаетъ чувствовать себя въ отдѣльномъ тѣлѣ и, по усвоенной имъ привычкѣ животной жизни, совершаетъ поступки, имѣющіе цѣлью благо отдѣльной личности и противные любви.

63. Поступая такъ, человѣкъ лишаетъ себя блага истинной жизни и не достигаетъ той цѣли блага отдѣльнаго существа, къ которой онъ стремится, и потому, поступая такъ, совершаетъ грѣхи. Въ этихъ то грѣхахъ и заключаются прирожденныя препятствія проявленію любви въ человѣкѣ.

64. Препятствія эти усиливаются еще тѣмъ, что прежде жившіе люди, дѣлавшіе грѣхи, передаютъ

привычки и пріемы своихъ грѣховъ слѣдующимъ поколѣніямъ.

65. Такъ что каждый человѣкъ — и потому, что онъ усвоилъ въ дѣтствѣ привычку личной жизни отдѣльнаго существа и потому, что эти же привычки личной жизни передаются преданіями ему отъ предковъ, всегда подлежитъ грѣхамъ, препятствующимъ проявленію любви.

15.

Три рода грѣховъ.

66. Есть три рода грѣховъ, мѣшающихъ любви: a) грѣхи, вытекающіе изъ неискоренимаго влеченія человѣка, пока онъ живетъ въ тѣлѣ, къ благу своей личности, — грѣхи прирожденные, естественные; b) грѣхи, вытекающіе изъ преданія человѣческихъ учрежденій и обычаевъ, направленныхъ на увеличеніе блага отдѣльныхъ лицъ, — грѣхи наслѣдственные, общественные и c) грѣхи, вытекающіе изъ стремленія отдѣльнаго человѣка къ большему и большему увеличенію блага своего отдѣльнаго существа — грѣхи личные, придуманные.

67. Грѣхи прирожденные состоятъ въ томъ, что люди полагаютъ благо въ сохраненіи и увеличеніи животнаго блага своей отдѣльной личности. Всякая дѣятельность, направленная на увеличеніе животнаго блага своей личности, есть такой прирожденный грѣхъ.

68. Грѣхи наслѣдственные — это тѣ грѣхи, которые дѣлаютъ люди, пользуясь существующими установленными людьми, жившими прежде нихъ, пріемами увеличенія блага отдѣльной личности.

Всякое пользованіе учрежденіями и обычаями, установленными для блага своей личности, есть такой наслѣдственный грѣхъ.

69. Грѣхи личные, придуманные — это тѣ грѣхи, которые дѣлаютъ люди, придумывая, кромѣ наслѣдственныхъ пріемовъ, еще новыя средства увеличенія блага своей отдѣльной личности. Всякое придуманное человѣкомъ новое средство увеличенія блага отдѣльнаго своего существа есть грѣхъ личный.

16.

Раздѣленіе грѣховъ.

70. Есть шесть грѣховъ, препятствующихъ проявленію любви въ людяхъ:

71. Грѣхъ похоти, состоящій въ томъ, чтобы приготавливать себѣ удовольствія отъ удовлетворенія потребностей.

72. Грѣхъ праздности, состоящій въ томъ, чтобы освобождать себя отъ труда, нужнаго людямъ для удовлетворенія потребностей.

73. Грѣхъ корысти, состоящій въ томъ, чтобы приготавливать себѣ возможность удовлетворенія своихъ потребностей въ будущемъ.

74. Грѣхъ властолюбія, состоящій въ томъ, чтобы покорять себѣ себѣ подобныхъ.

75. Грѣхъ блуда, состоящій въ томъ, чтобы устраивать себѣ наслажденія изъ удовлетворенія половой похоти.

76. Грѣхъ опьяненія, состоящій въ томъ, чтобы производить искусственное возбужденіе своихъ тѣлесныхъ и умственныхъ силъ.

17.

Грѣхъ похоти.

77. Человѣку нужно удовлетворять своимъ тѣлеснымъ потребностямъ и въ безсознательномъ состояніи онъ, какъ и всякое животное, вполнѣ удовлетворяетъ имъ, не воздерживаясь и не усиливая ихъ, и въ этомъ удовлетвореніи потребности находитъ благо.

78. Но пробудившись къ разумному сознанію, человѣку въ первое время кажется, что благо его отдѣльнаго существа заключается въ удовлетвореніи его потребностей и онъ придумываетъ средства увеличенія удовольствія отъ удовлетворенія своихъ потребностей, и старается поддержать придуманныя прежде жившими людьми средства пріятнаго удовлетворенія потребностей, и самъ придумываетъ новыя, еще болѣе пріятныя средства удовлетворенія ихъ. Въ этомъ состоитъ грѣхъ похоти.

79. Когда человѣкъ ѣстъ или пьетъ, не будучи еще голоденъ, когда одѣвается не для того, чтобы защитить тѣло отъ холода, или строитъ домъ не для того, чтобы укрыться въ немъ отъ непогоды, а для того, чтобы увеличить удовольствіе отъ удовлетворенія потребностей, онъ совершаетъ прирожденный грѣхъ похоти.

80. Когда же человѣкъ родился и выросъ въ привычкахъ излишества въ питьѣ, ѣдѣ, одеждѣ, жилищѣ и продолжаетъ пользоваться своимъ излишествомъ, поддерживая эти привычки, то такой человѣкъ совершаетъ наслѣдственный грѣхъ похоти.

81. Когда же человѣкъ, живя въ роскоши, придумываетъ еще новыя, не употребляемыя людьми вокругъ него, болѣе пріятныя средства удовлетворенія потребностей: вмѣсто прежней простой пищи и питья вводитъ новыя, болѣе утонченныя, вмѣсто прежней, прикрывавшей его тѣло одежды, добываетъ новую, болѣе красивую; вмѣсто прежняго меньшаго, простаго дома, строитъ новый, съ новыми украшеніями и т. п., — такой человѣкъ совершаетъ личный грѣхъ похоти.

82. Грѣхъ похоти, какъ прирожденный, такъ и наслѣдственный, и личный, состоитъ въ томъ, что стремясь къ благу своего отдѣльнаго существа посредствомъ удовлетворенія своихъ потребностей человѣкъ, усиливая эти потребности, препятствуетъ своему рожденію къ новой духовной жизни.

83. Кромѣ того человѣкъ, поступающій такъ, не достигаетъ той цѣли, къ которой стремится, такъ какъ всякое усиленіе потребностей дѣлаетъ менѣе вѣроятною возможность удовлетворенія похоти и ослабляетъ самое наслажденіе отъ удовлетворенія. Чѣмъ чаще человѣкъ утоляетъ голодъ, чѣмъ утонченнѣе употребляемыя имъ кушанья, тѣмъ меньше онъ получитъ наслажденій отъ ѣды. Тоже самое и по отношенію удовлетворенія всѣхъ другихъ животныхъ потребностей.

18.

Грѣхъ праздности.

84. Человѣку, также какъ и животному, нужно упражнять свои силы. Силы эти естественно на-

правляются на приготовленіе предметовъ, нужныхъ для удовлетворенія потребностей. Послѣ направленнаго на это труда человѣку, какъ и всякому животному, нуженъ отдыхъ.

85. И въ безсознательномъ состояніи человѣкъ, также какъ и животное, приготовляя для себя предметы, нужные для жизни, чередуетъ трудъ съ отдыхомъ и въ этомъ естественномъ отдыхѣ находитъ благо.

86. Но пробудившись къ разумному сознанію, человѣкъ раздѣляетъ трудъ отъ отдыха и находя отдыхъ болѣе пріятнымъ, чѣмъ трудъ, старается уменьшить трудъ и продлить отдыхъ, заставляя силой или хитростью другихъ людей служить своимъ потребностямъ. Въ этомъ состоитъ грѣхъ праздности.

87. Когда человѣкъ, пользуясь трудами другихъ людей, отдыхаетъ тогда, когда онъ еще могъ бы трудиться, онъ совершаетъ прирожденный грѣхъ праздности.

88. Когда же человѣкъ родился и живетъ въ такомъ положеніи, что онъ пользуется трудами другихъ людей, не будучи поставленъ въ необходимость трудиться самому и онъ поддерживаетъ такой порядокъ вещей, не трудясь, пользуясь трудами другихъ, то такой человѣкъ совершаетъ наслѣдственный грѣхъ праздности.

89. Когда же человѣкъ, родясь и живя въ средѣ людей, привыкшихъ безъ труда пользоваться трудомъ другихъ людей, самъ придумываетъ средства еще освободить себя отъ трудовъ, которые онъ прежде самъ исполнялъ, и накладываетъ эти труды

на другихъ, когда человѣкъ, самъ чистившій себѣ одежду, заставляетъ это дѣлать другого, или самъ писавшій письма или дѣлавшій свои счеты, или самъ ходившій по своимъ дѣламъ, заставляетъ это дѣлать другихъ, а самъ употребляетъ свободное время на отдыхъ или забаву, то такой человѣкъ совершаетъ личный грѣхъ праздности.

90. То, что каждый человѣкъ не можетъ сдѣлать все для себя самъ, а часто раздѣленіе труда совершенствуетъ и облегчаетъ трудъ, не можетъ служить оправданіемъ освобожденія себя отъ труда вообще или отъ тяжелаго труда, замѣнивъ его легкимъ. Всякое произведеніе труда, которымъ человѣкъ пользуется, требуетъ отъ него соотвѣтствующаго труда, а не облегченія своего труда или совершеннаго освобожденія отъ него.

91. Грѣхъ праздности, какъ прирожденный, такъ и наслѣдственный и личный, состоитъ въ томъ, что, прекращая свой трудъ и пользуясь трудомъ другихъ, человѣкъ дѣлаетъ противное тому, на что онъ предназначенъ, такъ какъ истинное благо пріобрѣтается только дѣятельностью служенія.

92. Кромѣ того, человѣкъ, поступающій такъ, не достигаетъ и того, къ чему стремится, такъ какъ наслажденіе отъ отдыха получаетъ только послѣ труда. И чѣмъ меньше труда, тѣмъ меньше наслажденій отдыха

19.

Грѣхъ корысти.

93. Положеніе человѣка въ мірѣ таково, что тѣлесное существованіе его обезпечено законами об-

щими, которыми человѣкъ подчиненъ вмѣстѣ со всѣми животными. Человѣкъ, отдаваясь своему инстинкту, долженъ работать, и естественная цѣль его работы есть удовлетвореніе своихъ потребностей, и эта работа всегда съ излишкомъ обезпечиваетъ его существованіе. Человѣкъ есть общественное животное и плоды его работы накопляются въ обществѣ такъ, что если бы только не было грѣха корысти, всякій человѣкъ, не могущій работать, всегда могъ бы имѣть то, что ему нужно для удовлетворенія его потребностей. И потому евангельское изрѣченіе о томъ, чтобы не заботиться о завтрашнемъ днѣ, а жить, какъ птицы небесныя, — не есть метафора, а утвержденіе существующаго закона всякой животной общественной жизни. Точно тоже сказано въ Коранѣ, что нѣтъ на свѣтѣ ни одного животнаго, которому Богъ не далъ бы пропитанія.

94. Но человѣку и послѣ пробужденія его къ разумному сознанію еще долго продолжаетъ казаться, что жизнь его заключается въ благѣ его отдѣльнаго существа, а такъ какъ существо это живетъ во времени, то человѣкъ и заботится объ особенномъ обезпеченіи удовлетворенія своихъ потребностей въ этомъ будущемъ для себя и для своей семьи.

95. Особеное же обезпеченіе въ будущемъ удовлетворенія потребностей себя и своей семьи возможно только при удержаніи отъ другихъ людей предметовъ потребленія, того, что называется собственностью. И вотъ на это пріобрѣтеніе, удержаніе и увеличеніе собственности и направляетъ человѣкъ свои силы. Въ этомъ состоитъ грѣхъ корысти.

96. Когда человѣкъ считаетъ исключительно своею приготовленную имъ или полученную отъ кого либо пищу на завтра, или одежду, или кровъ на зиму для себя или для своей семьи, то онъ совершаетъ прирожденный грѣхъ корысти.

97. Когда же человѣкъ съ пробудившимся сознаніемъ находитъ себя въ такихъ условіяхъ, что онъ считаетъ извѣстные предметы исключительно своими, не смотря на то, что предметы эти не нужны для обезпеченія его жизни, и удерживаетъ эти предметы отъ другихъ, то онъ совершаетъ наслѣдственный грѣхъ корысти.

98. Когда же человѣкъ, имѣющій уже предметы, нужные ему для обезпеченія потребностей въ будущемъ его и его семьи и владѣетъ предметами излишними для поддержанія жизни, пріобрѣтаетъ еще новые и новые предметы и удерживаетъ ихъ отъ другихъ, то человѣкъ этотъ совершаетъ личный грѣхъ корысти.

99. Грѣхъ корысти, какъ прирожденный, такъ и наслѣдственный и личный, состоитъ въ томъ, что стараясь обезпечить въ будущемъ благо своего отдѣльнаго существа и для этого пріобрѣтая предметы и удерживая ихъ отъ другихъ, человѣкъ дѣлаетъ противное тому, на что онъ предназначенъ; вмѣсто того, чтобы служить людямъ, отнимаетъ отъ нихъ то, что имъ нужно.

100. Кромѣ того человѣкъ, поступающій такъ, никогда не достигаетъ той цѣли, къ которой онъ стремится, такъ какъ будущее не во власти человѣка,

а человѣкъ каждую минуту можетъ умереть. Потративъ же на неизвѣстное и могущее не наступить будущее — несомнѣнное настоящее, онъ дѣлаетъ очевидную ошибку

20.

Грѣхъ властолюбія.

101. Человѣкъ, какъ животное, поставленъ въ такія условія, что всякое удовлетвореніе его потребностей заставляетъ его вступать въ борьбу съ другими существами.

102. Животная жизнь человѣка поддерживается только въ ущербъ другихъ существъ. Борьба есть естественное свойство и законъ животной жизни. И человѣкъ, живя животной жизнью до пробужденія въ немъ сознанія, въ этой борьбѣ находитъ благо.

103. Но когда въ человѣкѣ пробуждается разумное сознаніе, ему въ первое время этого пробужденія кажется, что благо его увеличится, если онъ покоритъ и побѣдитъ какъ можно больше существъ, и человѣкъ употребляетъ свои силы на покореніе себѣ людей и существъ. Въ этомъ состоитъ грѣхъ властолюбія.

104. Когда человѣкъ, для того, чтобы отстоять свое личное благо, считаетъ нужнымъ бороться и борется противъ тѣхъ людей и существъ, которые хотятъ покорить его, то такой человѣкъ совершаетъ прирожденный грѣхъ властолюбія.

105. Когда же человѣкъ родился и выросъ въ извѣстныхъ условіяхъ власти, родился ли онъ сыномъ царя, вельможи, купца, зажиточнаго мужика,

и, оставаясь въ этомъ положеніи, не прекращаетъ борьбу, иногда незамѣтную, но всегда необходимую для поддержанія своего положенія, то онъ совершаетъ наслѣдственный грѣхъ властолюбія.

106. Когда же человѣкъ, находясь въ извѣстныхъ постоянныхъ условіяхъ борьбы, желая увеличить свое благо, вступаетъ еще въ новыя столкновенія съ людьми и другими существами, желая увеличить свою власть, когда онъ нападаетъ на сосѣда, чтобы завладѣть его имуществомъ, его землями, или старается посредствомъ пріобрѣтенія правъ, диплома, чина, занять болѣе высокое, чѣмъ онъ занимаетъ положеніе, или желая увеличить свое имѣніе, вступаетъ въ борьбу съ соревнователями и рабочими или вступаетъ въ борьбу съ другими народами, — такой человѣкъ совершаетъ личный грѣхъ властолюбія.

107. Грѣхъ властолюбія, какъ прирожденный, такъ и наслѣдственный и личный состоитъ въ томъ, что употребляя свои силы на достиженіе блага своего отдѣльнаго существа посредствомъ борьбы, человѣкъ дѣлаетъ прямо обратное тому, что свойственно истинной жизни. Вмѣсто того, чтобы увеличить въ себѣ любовь, т. е. уничтожить преграды, отдѣляющія его отъ другихъ существъ, онъ увеличиваетъ ихъ.

108. Кромѣ того, вступая въ борьбу съ людьми и существами, человѣкъ достигаетъ обратнаго тому, къ чему онъ стремится. Вступая въ борьбу, онъ увеличиваетъ вѣроятіе того, что другія существа будутъ нападать на него и что вмѣсто того, чтобы покорить другія существа, онъ будетъ покоренъ

ими. Чѣмъ больше успѣваетъ человѣкъ въ борьбѣ, тѣмъ больше требуетъ напряженія въ ней.

21.

Грѣхъ блуда.

109. Въ человѣка вложена потребность поддержанія рода: половая потребность, и человѣкъ въ животномъ состояніи, отдаваясь ей, совокупляясь, исполняетъ этимъ свое назначеніе и въ этомъ исполненіи своего назначенія находитъ благо.

110. Но при пробужденіи сознанія, человѣку представляется, что удовлетвореніе этой потребности можетъ увеличить благо его отдѣльнаго существа и онъ вступаетъ въ половое общеніе не съ цѣлью продолженія рода, но съ цѣлью увеличенія своего личнаго блага. Въ этомъ состоитъ грѣхъ блуда.

111. Грѣхъ блуда отличается отъ всѣхъ другихъ грѣховъ тѣмъ, что тогда какъ при всѣхъ другихъ грѣхахъ полное воздержаніе отъ прирожденнаго грѣха невозможно, а возможно только уменьшеніе прирожденнаго грѣха, въ грѣхѣ блуда возможно полное воздержаніе отъ грѣха. Происходитъ это отъ того, что полное воздержаніе отъ удовлетворенія потребности личности, пищи, одежды, крова уничтожаетъ самую личность, точно также уничтожаетъ личность отсутствіе всякаго отдыха, всякой собственности и всякой борьбы, но воздержаніе отъ половой потребности, цѣломудріе — одного или нѣсколькихъ — не уничтожаетъ рода человѣческаго, того, что должна поддерживать половая потребность, такъ какъ воздержаніе одного, нѣсколькихъ и мно-

гихъ людей отъ половаго общенія не уничтожаетъ рода человѣческаго. Такъ что удовлетвореніе половой потребности не обязательно для каждаго человѣка: каждому отдѣльному человѣку предоставлена возможность воздержанія отъ этой потребности.

112. Людямъ какъ бы предоставленъ выборъ двухъ способовъ служенія Богу: или, оставаясь свободнымъ отъ брачной жизни и ея послѣдствій, самому исполнять своею жизнью въ этомъ мірѣ все то, что предназначено Богомъ исполнить человѣку, или, сознавъ свою слабость, передать часть исполненія или, по крайней мѣрѣ, возможность исполненія неисполненнаго своему рождаемому, вскармливаемому и воспитываемому потомству.

113. Изъ этой особенности половой потребности отъ всѣхъ другихъ вытекаютъ и двѣ различныя степени грѣха блуда, смотря по тому, какое изъ двухъ назначеній избираетъ человѣкъ.

114. При первомъ назначеніи, когда человѣкъ хочетъ, оставшись цѣломудреннымъ, всѣ свои силы посвятить на служеніе Богу, грѣхомъ блуда будетъ всякое половое общеніе, хотя бы и имѣющее цѣлью рожденіе и воспитаніе дѣтей, самый чистый и цѣломудренный бракъ будетъ такимъ прирожденнымъ грѣхомъ для человѣка, избравшаго назначеніе дѣвственности.

115. Наслѣдственнымъ же грѣхомъ для такого человѣка будетъ всякое продолженіе такихъ половыхъ сношеній, хотя и въ бракѣ, имѣющихъ цѣлью рожденіе и воспитаніе дѣтей, освобожденіе

отъ наслѣдственнаго грѣха будетъ для такого человѣка прекращеніе половаго общенія.

116. Личнымъ, придуманнымъ грѣхомъ для такого человѣка будетъ вступленіе въ половое сношеніе съ другимъ лицомъ, кромѣ того, съ которымъ онъ уже находится въ бракѣ.

117. При избраніи человѣкомъ назначенія служенія Богу продолженіемъ рода, прирожденнымъ грѣхомъ будетъ всякое половое общеніе, не имѣющее цѣлью продолженіе рода, какъ это бываетъ при проституціи, случайныхъ связяхъ, при бракахъ, заключаемыхъ по расчету, по связямъ, по любви.

118. Наслѣдственнымъ же грѣхомъ для человѣка, избравшаго назначеніе продолженіе рода, будетъ такое половое общеніе, отъ котораго не могутъ родиться дѣти или при которомъ родители не могутъ или не хотятъ воспитывать рождающихся отъ ихъ брака дѣтей.

119. Когда же человѣкъ, избравшій второе назначеніе служенія продолженію рода, будетъ ли то мужчина или женщина, находясь уже въ половомъ общеніи съ однимъ лицомъ, вступаетъ въ такое же общеніе съ другими лицами, но не для произведенія семьи, а для увеличенія наслажденія отъ половаго общенія или стараясь предотвратить дѣторожденіе или предается неестественнымъ порокамъ, то такой человѣкъ совершаетъ личный грѣхъ блуда.

120. Грѣхъ, т. е. ошибка блуда, для человѣка, избравшаго назначеніе дѣвственности, состоитъ въ томъ, что человѣкъ, могшій избрать высшее назначеніе и всѣ силы свои употреблять на служеніе Богу,

слѣдовательно на продленіе любви и достиженіе высшаго блага, спускается на низшую степень жизни и лишается этого блага.

121. Для человѣка же, избравшаго назначеніе продолженіе рода — грѣхъ, ошибка блуда въ томъ, что, лишаясь дѣторожденія или по крайней мѣрѣ семейнаго общенія, люди лишаются лучшаго блага половой жизни.

122. Кромѣ того люди, старающіеся увеличить благо отъ половаго общенія, какъ и во всѣхъ удовлетвореніяхъ потребностей, тѣмъ больше уменьшаютъ естественное наслажденіе, чѣмъ больше предаются этой похоти.

22.

Грѣхъ опьяненія.

123. Въ естественномъ состояніи своемъ человѣку, какъ и всякому животному, свойственно приходить отъ внѣшнихъ причинъ въ состояніе возбужденія и это временное возбужденіе даетъ благо человѣку, находящемуся въ животномъ состояніи.

124. Пробудившись же къ сознанію, человѣкъ замѣчаетъ тѣ причины, которыя приводятъ его въ это возбужденное состояніе и старается воспроизвести и усилить эти причины съ тѣмъ, чтобы вызывать въ себѣ это состояніе; и для этой цѣли приготовляетъ себѣ и принимаетъ въ желудокъ или вдыхаетъ вещества, производящія такое возбужденіе, или устраиваетъ для себя ту обстановку, или дѣлаетъ тѣ особенныя усиленныя движенія, которыя приводятъ его въ это состояніе. Въ этомъ состоитъ грѣхъ опьяненія.

125. Особенность этого грѣха въ томъ, что, тогда какъ всѣ тѣ грѣхи только отвлекаютъ рожденнаго къ новой жизни человѣка отъ свойственной ему дѣятельности, усиливая въ немъ его стремленіе къ продолженію животной жизни и не ослабляютъ и не нарушаютъ дѣятельности разума, грѣхъ опьяненія не только ослабляетъ дѣятельность разума, но на время, а иногда совершенно, уничтожаетъ ее; такъ что человѣкъ, приводящій себя въ возбужденное состояніе куреніемъ, виномъ, извѣстной торжественной обстановкой или усиленными движеніями, какъ это дѣлаютъ дервиши и другіе религіозные фанатики, при этихъ условіяхъ совершаетъ часто поступки, не только свойственные животнымъ, но такіе, которые по неразумію и жестокости своей, несвойственны животнымъ.

126. Естественный прирожденный грѣхъ опьяненія состоитъ въ томъ, что человѣкъ, получивъ удовольствіе отъ извѣстнаго состоянія возбужденія, производится ли оно пищей или питьемъ, обстановкой, воздѣйствующей на зрѣніе и слухъ, или извѣстными движеніями, не воздерживается отъ того, что производитъ это опьяненіе. Когда человѣкъ, самъ не замѣчая того безъ намѣренія возбудить себя, ѣстъ пряности, пьетъ чай, квасъ, брагу, украшаетъ себя или жилище, или пляшетъ, или играетъ, онъ совершаетъ прирожденный, естественный грѣхъ опьяненія.

127. Когда же человѣкъ родился и воспитанъ въ извѣстныхъ привычкахъ опьяненія: привычкахъ употребленія табаку, вина, опіума; привычкахъ торжественныхъ зрѣлищъ, общественныхъ, семейныхъ;

церковныхъ, или привычкахъ извѣстнаго рода движеній: гимнастики, пляски, поклоновъ, прыжковъ и т. п., и поддерживаетъ эти привычки, человѣкъ совершаетъ наслѣдственный грѣхъ опьяненія.

128. Когда же человѣкъ воспитанъ въ извѣстныхъ привычкахъ періодическаго опьяненія и привыкъ къ нимъ, и вводитъ, подражая другимъ или самъ придумывая, новые пріемы опьяненія: послѣ табака начинаетъ курить опіумъ, послѣ вина пьетъ водку, вводитъ новыя торжественныя празднованія съ новымъ усиленнымъ воздѣйствіемъ картинъ, танцевъ, свѣта, музыки, или вводитъ новые пріемы тѣлесныхъ возбуждающихъ движеній, гимнастики, велосипедной ѣзды и т. п., то человѣкъ совершаетъ личный грѣхъ опьяненія.

129. Грѣхъ опьяненія, какъ прирожденный, такъ наслѣдственный и личный, состоитъ въ томъ, что человѣкъ, вмѣсто того, чтобы всѣ силы своего вниманія употребить на то, чтобы устранить все то, что можетъ затуманить его сознаніе, открывающее ему смыслъ его истинной жизни, старается, напротивъ, ослабить и затемнить это сознаніе внѣшними средствами возбужденія.

130. Кромѣ того человѣкъ, поступающій такъ, достигаетъ обратнаго тому, къ чему онъ стремился. Производимое внѣшними средствами возбужденіе слабѣетъ съ каждымъ новымъ пріемомъ возбужденія и, не смотря на усиленіе пріемовъ возбужденія, разрушающее здоровье, сама способность возбужденія все болѣе и болѣе слабѣетъ.

23.

Послѣдствія грѣховъ.

131. Грѣхи служатъ препятствіемъ проявленію любви.

132. Но мало того, что грѣхи служатъ препятствіемъ проявленію любви, грѣхи производятъ въ людяхъ и величайшія бѣдствія. Бѣдствія, производимыя грѣхами, двухъ родовъ: одни бѣдствія — тѣ, отъ которыхъ страдаютъ люди, подпадающіе грѣху; другія — тѣ, отъ которыхъ страдаютъ другіе. Бѣдствія, постигающія тѣхъ, которые совершаютъ грѣхи, суть: изнѣженность, пресыщенность, скука, тоска, апатія, забота, страхъ, подозрительность, злоба, ненависть, ожесточеніе, ревность, безсиліе и всякаго рода мучительныя болѣзни. Бѣдствія же тѣ, отъ которыхъ страдаютъ другіе: воровство, грабежи, истязанія, побои, убійства.

133. Не будь грѣховъ, не было бы ни нищеты, ни пресыщенія, ни разврата, ни воровства, ни грабежей, ни убійствъ, ни казней, ни войнъ.

134. Не будь грѣха похоти, не было бы нужды у обдѣленныхъ, не было бы скуки и страха у роскошествующихъ, не было бы напрасной траты силъ на огражденіе удовольствій роскошествующихъ, не было бы приниженія духовныхъ силъ нуждающихся, не было бы той постоянной глухой борьбы между тѣми и другими, воспитывающей зависть, ненависть въ однихъ, и презрѣніе и страхъ въ другихъ; и не прорывалась бы временами эта вражда насиліями, убійствами, революціями.

135. Не будь грѣха праздности, не было бы съ одной стороны замученныхъ работой людей и съ другой стороны людей, изуродованныхъ бездѣйствіями и постоянными увеселеніями; не было бы раздѣленія людей на два враждебныхъ лагеря: людей пресыщенныхъ и голодныхъ, празднующихъ и замученныхъ работою.

136. Не будь грѣха собственности, не было бы всѣхъ тѣхъ насилій, которыя производятся одними людьми надъ другими для пріобрѣтенія и удержанія предметовъ; не было бы воровства, грабежа, заточенія въ тюрьмы, ссылокъ, каторжныхъ работъ, казней.

137. Не будь грѣха власти, не было бы тѣхъ огромныхъ безполезныхъ тратъ силъ людскихъ на одоленіе другъ друга и на поддержаніе власти; не было бы гордости и отупѣнія побѣдителей, и лести, обмана и ненависти побѣжденныхъ; не было бы тѣхъ раздѣленій семейныхъ, сословныхъ, народныхъ, и вытекающихъ изъ нихъ ссоръ, дракъ, убійствъ, войнъ.

138. Не будь грѣха блуда, не было бы рабства женщины, истязанія ея, и рядомъ съ этимъ баловства и извращенія ея; не было бы ссоръ, дракъ, убійствъ изъ за ревности, не было бы низведенія женщины до орудія удовлетворенія плоти, проституціи; не было бы неестественныхъ пороковъ; не было бы расслабленія тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, тѣхъ страшныхъ болѣзней, отъ которыхъ теперь страдаютъ люди; не было бы заброшенныхъ дѣтей и дѣтоубійства.

139. Не будь опьяненія табакомъ, виномъ, опі-

умомъ, возбуждающими усиленными движеніями и торжествами — не было бы распущенности людей въ грѣхахъ. Не было бы одной сотой тѣхъ ссоръ, дракъ, грабежей, прелюбодѣяній, убійствъ, которыя происходятъ теперь, особенно подъ вліяніемъ ослабленія духовныхъ силъ людей; не было бы той напрасной траты энергіи не только на ненужныя, но на прямо вредныя дѣла: не были бы одурены, изуродованы часто лучшіе люди, проживающіе въ жизни безъ пользы другихъ и въ тягость себѣ.

ЧАСТЬ III.

О соблазнахъ.

24.

Соблазны.

140. Губительныя послѣдствія грѣховъ для отдѣльныхъ лицъ, совершающихъ ихъ, такъ же, какъ и для общества людей, среди которыхъ совершаются грѣхи, такъ очевидны, что съ самыхъ древнихъ временъ люди видѣли происходящія отъ нихъ бѣдствія и проповѣдывали и издавали законы противъ грѣховъ и наказывали за нихъ: запрещалось воровать, убивать, развратничать, клеветать, опьяняться, но не смотря на запрещеніе и казни, люди продолжали и продолжаютъ грѣшить, губя жизни свои и ближнихъ.

141. Происходитъ это отъ того, что существуютъ для оправданія грѣховъ такія лживыя разсужденія, по которымъ выходитъ, что существуютъ такія исключительныя обстоятельства, по которымъ грѣхи не только простительны, но необходимы. Лживыя оправданія эти суть то, что называется соблазнами.

142. Соблазнъ по гречески scandalos — означаетъ западню, ловушку. И дѣйствительно соблазнъ есть ловушка, въ которую заманивается человѣкъ

подобіемъ добра и, попавъ въ нее, погибаетъ въ ней. Поэтому то и сказано въ Евангеліи, что соблазны должны войти въ міръ, но горе міру отъ соблазновъ, и горе тому, черезъ кого они входятъ.

143. Вотъ отъ этихъ то соблазновъ лживыхъ оправданій грѣховъ люди не исправляются отъ грѣховъ, а продолжаютъ коснѣть въ нихъ и, что хуже всего, воспитываютъ въ нихъ молодыя поколѣнія.

25.

Происхожденіе соблазновъ.

144. Рожденіе человѣка къ новой жизни совершается не вдругъ, а постепенно точно такъ же, какъ и рожденіе плотское: усилія рожденія смѣняются остановками и возвращеніями къ прежнему положенію: проявленія духовной жизни проявленіями жизни животной; человѣкъ то отдается служенію Богу и въ этомъ служеніи видитъ благо, то возвращается къ личной жизни и ищетъ блага своего отдѣльнаго существа и совершаетъ грѣхи.

145. Совершивъ же грѣхъ, человѣкъ сознаетъ несоотвѣтствіе поступка съ требованіемъ совѣсти. Пока человѣкъ желаетъ только совершить грѣхъ, несоотвѣтствіе это еще не вполнѣ ясно. Но какъ скоро грѣхъ совершенъ, несоотвѣтствіе обличается и человѣкъ желаетъ уничтожить его.

146. Уничтожить же несоотвѣтствіе поступка и положенія, въ которое вступаетъ человѣкъ вслѣдствіе грѣха можно только тѣмъ, чтобы употребить свой разумъ на оправданіе совершеннаго поступка и положенія.

147. Оправдать же противорѣчіе грѣха съ требованіями духовной жизни можно только тѣмъ, чтобы объяснить свой грѣхъ требованіями духовной жизни. Это самое и дѣлаютъ люди и эта умственная дѣятельность людей и есть то, что называютъ соблазномъ.

148. Съ тѣхъ поръ какъ проявилось въ людяхъ сознаніе противорѣчія между ихъ животной и духовной жизнью, съ тѣхъ поръ какъ стали люди совершать грѣхи, стали люди и придумывать оправданіе имъ, т. е. соблазны и потому между людьми установились преданія все однихъ и тѣхъ же оправданій грѣховъ, т. е. соблазновъ, такъ что человѣку не нужно самому придумывать оправданій своихъ грѣховъ, — они уже придуманы раньше него и ему нужно только принять готовые, составленные соблазны.

26.

Раздѣленіе соблазновъ.

149. Есть пять соблазновъ, погубляющихъ людей: соблазнъ личный или соблазнъ приготовленія; соблазнъ семейный, или соблазнъ продолженія рода; соблазнъ дѣла или соблазнъ пользы; соблазнъ товарищества или соблазнъ вѣрности; соблазнъ государственный или соблазнъ общаго блага.

150. Соблазнъ личный, или соблазнъ приготовленія состоитъ въ томъ, что человѣкъ, дѣлая грѣхи, оправдывается тѣмъ, что онъ готовится къ дѣятельности, которая въ будущемъ должна быть полезна людямъ.

151. Соблазнъ семейный или продолженія рода

состоитъ въ томъ, что человѣкъ, дѣлая грѣхи, оправдываетъ ихъ благомъ своихъ дѣтей.

152. Соблазнъ дѣла или пользы состоитъ въ томъ, что человѣкъ оправдываетъ свои грѣхи необходимостью веденія и окончанія начатаго имъ и полезнаго для людей дѣла.

153. Соблазнъ товарищества или вѣрности состоитъ въ томъ, что человѣкъ оправдываетъ свои грѣхи благомъ тѣхъ людей, съ которыми онъ вступилъ въ исключительныя отношенія.

154. Соблазнъ государственный или общаго блага состоитъ въ томъ, что люди оправдываютъ совершаемые ими грѣхи благомъ многихъ людей, народа, человѣчества. Это тотъ соблазнъ, который выраженъ Каіафой, требовавшимъ убійства Христа во имя блага многихъ.

27.

Соблазнъ личный или соблазнъ приготовленія.

155. «Я знаю, что смыслъ жизни моей не въ служеніи себѣ, а въ служеніи Богу или людямъ; но для того, чтобы служеніе людямъ было успѣшно», говоритъ человѣкъ, который подпалъ этому соблазну, «я могу допустить нѣкоторыя отступленія отъ требованій совѣсти, если онѣ необходимы для моего совершенствованія, приготавливающаго меня къ будущей полезной людямъ дѣятельности: мнѣ нужно прежде выучиться, нужно прежде отслужить срокъ службы, нужно прежде поправить свое здоровье, нужно прежде жениться, нужно прежде обезпечить средства жизни въ будущемъ, и пока я достигаю этого, я не могу вполнѣ слѣдовать требованіямъ

своей совѣсти, а когда же я окончу это, тогда я начну жить уже совершенно такъ, какъ этого требуетъ моя совѣсть.»

156. И, признавъ необходимость заботиться о своей личной жизни для наиболѣе дѣйствительнаго служенія людямъ и проявленія любви впослѣдствіи, человѣкъ служитъ своей личности, совершая грѣхи — и похоти, и праздности, и собственности, и власти, и разврата даже, и опьяненія, не считая эти грѣхи важными потому, что онъ разрѣшаетъ ихъ себѣ только на время, на то время, когда всѣ силы его направлены на приготовленіе себя къ дѣятельному служенію людямъ.

157. Начавъ же служить своей личности, сохраняя, усиливая и совершенствуя ее, человѣкъ естественно забываетъ ту цѣль, для которой онъ дѣлаетъ это, и лучшіе годы, а иногда и всю жизнь отдаетъ на такое приготовленіе къ служенію, которое никогда не наступаетъ.

158. Между тѣмъ разрѣшенные себѣ грѣхи ради благой цѣли, становятся все привычнѣе и привычнѣе, и человѣкъ, вмѣсто предполагаемой полезной дѣятельности для людей, проводитъ всю жизнь въ грѣхахъ, губящихъ его собственную жизнь и соблазняющихъ другихъ людей и вредящихъ имъ. Въ этомъ состоитъ соблазнъ приготовленія.

28.

Соблазнъ семейный, продолженія рода.

159. Люди, вступая въ семейную связь, преимущественно женщины, бываютъ склонны думать, что

ихъ любовь къ своей семьѣ, къ дѣтямъ и есть то самое, чего требуетъ отъ нихъ ихъ разумное сознаніе и что поэтому, если въ семейной жизни и приходится совершать грѣхи для удовлетворенія потребностей семьи, то эти грѣхи простительны.

160. Признавъ же это, такіе люди считаютъ возможнымъ во имя любви къ семьѣ не только освобождать себя отъ требованій справедливости къ другимъ людямъ, но и съ увѣренностью въ томъ, что они поступаютъ хорошо, совершать для блага своихъ дѣтей величайшія жестокости противъ чужихъ.

161. «Если бы у меня не было жены, мужа или дѣтей», говорятъ себѣ люди, поддавшіе этому соблазну, «я бы жилъ совсѣмъ иначе и не дѣлалъ этихъ грѣховъ, теперь же, для того, чтобы воспитать дѣтей, я не могу жить иначе. Если бы мы не жили такъ, не дѣлали бы этихъ грѣховъ, не могъ бы продолжаться и родъ человѣческій.»

162. И, сдѣлавъ такое разсужденіе, человѣкъ спокойно отнимаетъ у людей ихъ трудъ, заставляетъ ихъ трудиться въ ущербъ ихъ жизни, отнимаетъ у людей ихъ землю и, самый поразительный примѣръ — отнимаетъ у ребенка молоко для того, чтобы мать этого ребенка кормила его дитя, и не видитъ того зла, которое онъ дѣлаетъ. Въ этомъ состоитъ соблазнъ семейный или продолженія рода.

29.

Соблазнъ дѣла.

163. Человѣкъ, по свойству своей природы, долженъ упражнять свои умственныя и тѣлесныя

силы, и для упражненія ихъ избираетъ какое либо дѣло.

164. Дѣло же всякое требуетъ въ извѣстное время извѣстныхъ поступковъ, такъ что, если поступки эти не сдѣланы въ свое время, то разрушается полезное людямъ дѣло, не принося никому никакой пользы.

165. «Мнѣ нужно допахать пашню съ посѣянными сѣменами. Если я не сдѣлаю этого, пропадутъ, не принося никому пользы, и сѣмена, и работа. Мнѣ надо кончить къ такому то сроку работу, если я не кончу ее, работа, которая могла быть полезна, пропадетъ даромъ. У меня въ ходу фабрика, производящая нужные людямъ предметы и дающая возможность труда десятку тысячъ рабочихъ: если я перерву работу, предметы не будутъ изготовлены и люди лишатся труда», — говорятъ люди, подпавшіе этому соблазну.

166. И, сдѣлавъ такое разсужденіе, человѣкъ не только не бросаетъ недопаханную пашню, чтобы помочь вытащить изъ трясины завязшую лошадь сосѣда, не только не бросаетъ срочную работу для того, чтобы просидѣть день у постели больного, не только не прекращаетъ фабрику, работа на которой губитъ здоровье людей, но готовъ воспользоваться несчастіемъ сосѣда, чтобы допахать пашню, готовъ оторвать человѣка отъ ухода за больнымъ съ тѣмъ, чтобы только кончить работу къ сроку, готовъ губить здоровье нѣсколькихъ поколѣній людей, только бы производились хорошо обработанные предметы.

Въ этомъ состоитъ соблазнъ дѣла или пользы.

30.

Соблазнъ товарищества.

167. Случайно или искуственно становясь въ извѣстныя одинаковыя условія, люди склонны выдѣлять себя вмѣстѣ съ находящимися въ тѣхъ же условіяхъ людьми изъ всѣхъ остальныхъ и считать себя обязанными для соблюденія выгодъ этихъ стоящихъ въ исключительныхъ условіяхъ людей, отступать отъ требованій своей совѣсти и не только предпочитать выгоды этихъ своихъ выгодамъ другихъ, но даже дѣлать зло людямъ, только бы не нарушить вѣрности къ своимъ.

168. Люди дѣлаютъ явно дурное дѣло, но это наши товарищи и потому надо скрыть, оправдать ихъ дурное дѣло. То, что мнѣ предлагаютъ дѣлать — дурно, безсмысленно, но всѣ товарищи рѣшили это и мнѣ нельзя отстать отъ нихъ. Для постороннихъ это можетъ быть страданіемъ, несчастьемъ, но для насъ и нашего товарищества это будетъ пріятно, и потому надо поступать такъ.

169. Товарищества такія бываютъ самыя разнообразныя. Таково товарищество двухъ убійцъ или воровъ, идущихъ на свое дѣло и считающихъ болѣе обязательной свою вѣрность товарищамъ для совершенія предпринятаго дѣла, чѣмъ вѣрность совѣсти, осуждающей предпринятое дѣло, — таковы же товарищества учениковъ учебныхъ заведеній, рабочихъ артелей, полковъ, ученыхъ, духовныхъ лицъ, королей, національностей.

170. Всѣ эти люди считаютъ вѣрность уста-

новленію своего товарищества обязательнѣе вѣрности требованіямъ своей совѣсти во отношенію ко всѣмъ другимъ людямъ. Въ этомъ состоитъ соблазнъ товарищества или вѣрности.

171. Особенность этого соблазна состоитъ въ томъ, что во имя его совершаются самые дикіе и безсмысленные поступки, въ родѣ наряжанія себя въ особенныя странныя одежды и приписыванія этимъ одеждамъ особеннаго значенія, и поступки въ родѣ отравленія себя виномъ, пивомъ и очень часто во имя этого же соблазна, вызывающаго враждебность однихъ товариществъ къ другимъ, совершаются страшно жестокіе поступки — драки, дуэли, убійства и т. п.

31.

Соблазнъ государственный.

172. Люди живутъ въ извѣстномъ общественномъ устройствѣ, и устройство это, какъ и все въ мірѣ, постоянно измѣняется соотвѣтственно росту сознанія въ людяхъ.

173. Но люди, въ особенности тѣ, для которыхъ существующій порядокъ болѣе выгоденъ, чѣмъ для другихъ (а всегда для однихъ людей существующій порядокъ выгоднѣе чѣмъ для другихъ), считаютъ, что существующій порядокъ есть благо для всѣхъ людей, и потому для поддержанія этого блага для всѣхъ людей не только считаютъ возможнымъ нарушать любовь по отношенію къ нѣкоторымъ людямъ, но и считаютъ справедливымъ и хорошимъ совершать величайшія злодѣянія для поддержанія этого существующаго порядка.

174. Люди установили право собственности, и одни владѣютъ землями и орудіями труда, а другіе не имѣютъ ни того, ни другого. И это несправедливое обладаніе одними, не работающими людьми землями и орудіями труда считается тѣмъ порядкомъ, который долженъ быть охраняемъ и ради котораго считается справедливымъ и хорошимъ запирать, казнить людей, нарушающихъ этотъ порядокъ. Точно такъ же въ виду опасности того, что сосѣдній народъ или властитель можетъ напасть на нашъ народъ и завоевать, и уничтожить и измѣнить установившійся порядокъ, считается справедливымъ и хорошимъ не только содѣйствовать учрежденію войска, но и самому быть готовымъ на убійство людей другого народа и идти убивать ихъ.

175. Особенность этого соблазна та, что тогда какъ во имя тѣхъ четырехъ первыхъ соблазновъ люди отступаютъ отъ требованій своей совѣсти и совершаютъ отдѣльныя дурныя дѣла, во имя этого государственнаго соблазна совершаются самыя ужасныя массовыя злодѣянія, какъ казни и войны и поддерживаются самыя жестокія преступленія противъ большинства, какъ прежнее рабство и теперешнее отнятіе земли у рабочихъ. — Люди не могли бы совершать эти злодѣянія, если бы не были придуманы пріемы, посредствомъ которыхъ отвѣтственность за эти совершаемыя злодѣянія такъ распредѣляется между людьми, что никто не чувствуетъ тяжести ея.

176. Пріемъ распредѣленія этой отвѣтственности такъ, чтобы никто не чувствовалъ тяжести, состоитъ

въ томъ, что признается необходимость власти, которая для блага подданныхъ людей должна предписывать эти злодѣянія; подданные же для блага всѣхъ должны исполнять предписанія власти.

177. «Я очень сожалѣю о томъ, что долженъ предписывать отобраніе произведенія труда, заключеніе въ тюрьму, изгнаніе, каторгу, казнь, войну, т. е. массовое убійство, но я обязанъ поступить такъ, потому что этого самого требуютъ отъ меня люди, облекшіе меня властью», говорятъ люди, находящіеся во власти. Если я отнимаю у людей собственность, хватаю ихъ отъ семьи, запираю, ссылаю, казню, если я убиваю людей чужого народа, разворяю ихъ, стрѣляю въ города по женщинамъ и дѣтямъ, то я дѣлаю это не на свою отвѣтственность, а потому, что исполняю волю высшей власти, которой я обѣщался повиноваться для блага общаго. Въ этомъ состоитъ соблазнъ государственный или общаго блага.

32.

Послѣдствія соблазновъ.

178. Грѣхи суть послѣдствія привычекъ (инерціи, животной жизни). Разбѣжавшаяся животная жизнь не можетъ остановиться и тогда, когда въ человѣкѣ уже пробудился разумъ и онъ понялъ безсмысленность животной жизни. Человѣкъ знаетъ уже, что животная жизнь безсмысленна и не можетъ дать ему блага, но по старой привычкѣ ищетъ смысла и блага въ радостяхъ животной жизни: въ удовлетвореніи усложненныхъ искусственныхъ потребностей,

въ постоянномъ отдыхѣ, въ увеличеніи собственности, въ властвованіи, въ развратѣ, въ опьяненіи и употребляетъ свой разумъ на достиженіе этихъ цѣлей.

179. Но грѣхи казнятъ сами себя: очень скоро человѣкъ чувствуетъ, что то благо, которое онъ ищетъ этимъ путемъ, не доступно ему. И грѣхъ теряетъ свою привлекательность. Такъ что не будь оправданій грѣховъ — соблазновъ, люди не коснѣли бы въ грѣхахъ и не доводили бы ихъ до того предѣла, до котораго они доведены теперь.

180. Не будь соблазновъ приготовленія, соблазна семейнаго, соблазна дѣла, соблазна государственнаго, ни одинъ самый жестокій человѣкъ не могъ бы среди нуждающихся умирающихъ отъ нужды людей, пользоваться тѣми излишествами, которыми пользуются теперь богатые люди, не могли бы придти богатые люди къ тому положенію полной физической праздности, въ которой, скучая, проживаютъ теперь они свою жизнь, заставляя, часто старыхъ, малолѣтнихъ, слабыхъ, дѣлать нужную имъ работу. Не будь этихъ соблазновъ, не могли бы люди безъ смысла, безъ цѣли, тратить всѣ силы своей жизни на все большее и большее пріобрѣтеніе имущества, которое не можетъ быть употреблено, не могли бы люди, страдая отъ борьбы, вызывать ее въ другихъ. Не будь соблазна товарищества, не было бы и сотой доли того разврата, который существуетъ теперь, не могли бы люди такъ очевидно и безсмысленно губить свои тѣлесныя и умственныя силы опьяняющими веществами, не увеличивающими, но уменьшающими въ нихъ энергію.

181. Отъ грѣховъ людскихъ нищета и задавленность трудомъ однихъ и пресыщенность и праздность другихъ; отъ грѣховъ и неравенство имуществъ, борьба, ссоры, суды, казни, войны; отъ грѣховъ бѣдствія разврата и озвѣрѣнія людей, но отъ соблазновъ установленіе, освященіе всего этого: узаконеніе нищеты и задавленности однихъ и пресыщенности и праздности другихъ, узаконеніе насилія, убійствъ, войнъ, разврата, пьянства и доведеніе ихъ до тѣхъ страшныхъ размѣровъ, до которыхъ они дошли теперь.

ЧАСТЬ IV.

Обманы вѣры и освобожденіе отъ нихъ.

33.

Обманы вѣры.

182. Не будь соблазновъ, люди не могли бы продолжать жить въ грѣхахъ, такъ какъ каждый грѣхъ казнитъ самъ себя: люди прежнихъ поколѣній указали бы послѣдующимъ губительность грѣха, а послѣдующія поколѣнія воспитались бы, не впадая въ привычку грѣха.

183. Но человѣкъ употребилъ данный ему разумъ не на познаніе грѣха и избавленіе отъ него, а на оправданіе его, и явился соблазнъ, и грѣхъ узаконился и укоренился.

184. Но какимъ же образомъ могъ человѣкъ съ пробудившимся разумомъ признать ложь истиной? Для того, чтобы человѣкъ могъ не видѣть лжи и принять ее за истину, разумъ его долженъ былъ быть извращенъ, потому что неизвращенный разумъ безошибочно отличаетъ ложь отъ истины, въ чемъ и состоитъ его назначеніе.

185. И дѣйствительно разумъ людей, воспитанный въ человѣческомъ обществѣ, никогда не бываетъ свободенъ отъ извращенія. Всякій человѣкъ,

воспитанный въ человѣческомъ обществѣ, неизбѣжно подвергается извращенію, состоящему въ обманѣ вѣры.

186. Обманъ вѣры состоитъ въ томъ, что люди прежнихъ поколѣній внушаютъ послѣдующимъ поколѣніямъ различными искусственными способами пониманіе смысла жизни, основанное не на разумѣ, а на слѣпомъ довѣріи.

187. Сущность обмана вѣры состоитъ въ томъ, что умышленно смѣшивается и подставляется одно подъ другое понятіе вѣры и довѣрія: утверждается, что безъ вѣры человѣкъ не можетъ жить и мыслить, что совершенно справедливо и на мѣсто понятія вѣры, т. е. признанія того, что существуетъ то, что сознается, но не можетъ быть опредѣлено разумомъ, какъ Богъ, душа, добро, — подставляется понятіе довѣрія въ то, что существуетъ Богъ, именно такой то въ трехъ лицахъ, тогда то сотворившій міръ, и то то открывшій людямъ, именно тамъ то, тогда то и черезъ такихъ то пророковъ.

34.

Происхожденіе обмановъ вѣры.

188. Человѣчество медленно, но не останавливаясь, движется впередъ, т. е. все къ большему и большему уясненію сознанія истины о смыслѣ и значеніи своей жизни, и установленію жизни сообразно съ этимъ уясненнымъ сознаніемъ. И потому пониманіе людьми своей жизни и самая жизнь человѣческая постоянно измѣняются. Люди, болѣе чуткіе къ истинѣ, понимаютъ жизнь сообразно тому

высшему свѣту, который появился въ нихъ, соотвѣтственно этому свѣту устраиваютъ свою жизнь; люди, менѣе чуткіе, держатся прежняго пониманія жизни и прежняго строя жизни и стараются отстоять его.

189. Такъ что въ мірѣ всегда есть рядомъ съ людьми, указывающими передовое послѣднее выраженіе истины и старающимися жить соотвѣтственно этому выраженію истины, люди, отстаивающіе прежнее, отжившее и уже ненужное пониманіе ея и прежніе порядки жизни.

35.

Какимъ образомъ совершаются обманы вѣры.

190. Истина не нуждается во внѣшнемъ подтвержденіи и принимается свободно всѣми тѣми, которымъ она передается, но обманъ требуетъ особенныхъ пріемовъ, посредствомъ которыхъ онъ могъ бы передаваться людямъ и усваиваться ими; и потому для совершенія обмана вѣры употребляются тѣми, которые ихъ совершаютъ, во всѣхъ народахъ всегда одни и тѣ же пріемы.

191. Такихъ пріемовъ пять: 1. перетолкованіе истины, 2. вѣра въ чудесное, 3. установленіе посредничества между человѣкомъ и Богомъ, 4. воздѣйствіе на внѣшнія чувства человѣка и 5. внушеніе ложной вѣры дѣтямъ.

192. Сущность перваго пріема обмана вѣры состоитъ въ томъ, чтобы на словахъ признать не только справедливость открытой людямъ послѣдними проповѣдниками истины, но признать самого проповѣд-

ника святымъ, сверхъестественнымъ лицомъ, обоготворить проповѣдника, приписавъ ему совершеніе разныхъ чудесъ, и скрыть самую сущность открытой истины такъ, чтобы она не только не нарушала прежняго пониманія жизни и установившагося въ немъ строя жизни, но, напротивъ, подтверждала бы его.

Такое перетолкованіе истины и обоготвореніе проповѣдниковъ ея совершалось во всѣхъ народахъ, при всякомъ проявленіи новаго религіознаго ученія. Такъ было перетолковано ученіе Моисея и пророковъ еврейскихъ. И въ этомъ самомъ перетолкованіи и упрекалъ Христосъ фарисеевъ, говоря имъ, что они сѣли на сѣдалищѣ Моисеевомъ и сами не входятъ въ царство Божіе и другихъ не впускаютъ. Также были перетолкованы ученія Будды, Лао-дзи, Заратустры. Такое же перетолкованіе совершилось съ христіанскимъ ученіемъ въ первыя времена его принятія Константиномъ, когда языческіе храмы и божества были передѣланы на христіанскіе и возникло магометанство, какъ отпоръ отъ мнимо христіанскаго многобожія. Такому же перетолкованію подвергалось и подвергается магометанство.

193. Второй пріемъ обмана вѣры состоитъ въ томъ, чтобы внушать людямъ то, что слѣдованіе въ познаніи истины данному намъ отъ Бога разуму — есть грѣхъ гордости, что существуетъ другое, болѣе надежное орудіе познанія: откровеніе истины, передаваемое Богомъ непосредственно избраннымъ людямъ при извѣстныхъ знаменіяхъ, чудесахъ, т. е. сверхъестественныхъ событіяхъ, подтверждающихъ

вѣрность передачи. Внушается то, что надо вѣрить не разуму, а чудесамъ, т. е. тому, что̀ противно разуму.

194. Третій пріемъ обмана вѣры состоитъ въ томъ, чтобы увѣрить людей, что они не могутъ имѣть того непосредственнаго отношенія съ Богомъ, которое чувствуетъ всякій человѣкъ и которое особенно уяснилъ Христосъ, признавъ человѣка сыномъ Бога, а что для общенія человѣка съ Богомъ необходимъ посредникъ или посредники. Такими посредниками ставятъ пророковъ, святыхъ, церковь, писаніе, старцевъ, дервишей, Ламъ, Буддъ, пустынниковъ, всякое духовенство. Какъ ни различны всѣ эти посредники, сущность посредничества та, что между человѣкомъ и Богомъ не признается прямой связи, а напротивъ предполагается, что истина прямо не доступна человѣку, а можетъ быть принята только черезъ вѣру въ посредниковъ между нимъ и Богомъ.

195. Четвертый пріемъ обмана вѣры состоитъ въ томъ, что подъ предлогомъ совершенія требуемыхъ будто бы Богомъ дѣлъ: молитвъ, таинствъ, жертвъ, собираютъ вмѣстѣ много людей и, подвергнувъ ихъ различнымъ одуряющимъ воздѣйствіямъ, внушаютъ имъ ложь, выдавая ее за истину. Поражаютъ людей красотой и величіемъ храмовъ, великолѣпіемъ украшеній, утварью, одеждами, блескомъ освѣщенія, звуками пѣнія, органовъ, куреніями, возгласами, представленіями и въ то время, какъ люди находятся подъ этимъ обаяніемъ, стараются запечатлѣть въ душахъ ихъ обманъ, выдаваемый за истину.

196. Пятый пріемъ самый жестокій, потому, что

онъ состоитъ въ томъ, что ребенку, спрашивающему у старшихъ, жившихъ прежде его и имѣвшихъ возможность познать мудрость прежде жившихъ людей о томъ, что такое этотъ міръ и его жизнь и какое отношеніе между тѣмъ и другимъ, отвѣчаютъ не то, что думаютъ и знаютъ эти старшіе, а то, что думали люди, жившіе тысячи лѣтъ тому назадъ и во что никто изъ большихъ уже не вѣритъ и не можетъ вѣрить. Вмѣсто духовной, необходимой ему пищи, о которой проситъ ребенокъ, ему дается губящій его духовное здоровье ядъ, отъ котораго онъ можетъ исцѣлиться только величайшими усиліями и страданіями.

197. Ребенокъ, пробуждаясь къ сознательной жизни съ яснымъ, ничѣмъ не засореннымъ разумомъ, готовый принять, и въ глубинѣ души, хотя и смутно, но сознающій истину жизни, т. е. свое положеніе и назначеніе въ ней (душа человѣческая по природѣ христіанка, по выраженію Тертуліана, отца церкви) — ребенокъ спрашиваетъ у пожившаго уже родителя: что такое его жизнь? какое отношеніе его къ міру и началу его? И отецъ его, или учитель его не говоритъ ему то малое и несомнѣнное, что онъ знаетъ о смыслѣ жизни, а съ увѣренностью говоритъ то, что онъ въ глубинѣ души признаетъ не истиннымъ — говоритъ ему, если онъ еврей, что Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней и открылъ всю истину Моисею, написавъ пальцемъ на камнѣ то, что надо держать клятвы, помнить день субботній, обрѣзываться и т. п.; если онъ православный, католическій, протестантскій христіанинъ, — что Христосъ, второе

лицо, творилъ міръ и сошелъ на землю, чтобы кровью искупить грѣхъ Адама, и т. п.; если онъ буддистъ, — что Будда улетѣлъ на небо и научилъ людей уничтожать въ себѣ жизнь; если онъ магометанинъ, — что Магометъ леталъ на седьмое небо и узналъ тамъ законъ, по которому вѣра въ пятикратную молитву, посѣщеніе Мекки доставляютъ человѣку рай въ будущей жизни.

198. И, зная, что другіе люди своимъ дѣтямъ внушаютъ другое, родители и учители передаютъ каждые свои особенныя суевѣрія, зная въ глубинѣ души, что это только суевѣріе, — передаютъ невиннымъ, довѣрчивымъ дѣтямъ въ томъ возрастѣ, когда впечатлѣнія такъ сильны, что никогда уже не изглаживаются.

36.

Зло, происходящее отъ обмана вѣры.

199. Грѣхи, заставляя человѣка временами совершать дѣла, противныя его духовной природѣ, противныя любви, задерживаютъ его рожденіе къ новой истинной жизни.

200. Соблазны вводятъ человѣка въ грѣховную жизнь, оправдывая грѣхи, такъ что человѣкъ уже совершаетъ не отдѣльные грѣховные поступки, а живетъ животною жизнью, не видя противорѣчія этой жизни съ жизнью истинной.

201. Такое положеніе человѣка возможно только при извращеніи истины совершающимся обманомъ вѣры. Только человѣкъ съ извращеннымъ обманомъ вѣры разумомъ можетъ не видѣть лжи соблазновъ.

202. И потому обманъ вѣры есть основа всѣхъ грѣховъ и бѣдствій человѣка.

203. Обманы вѣры суть то, что въ Евангеліи названо хулой на святаго духа и про которую сказано, что это дѣйствіе не можетъ проститься, т. е. что никогда, ни въ какой жизни не можетъ не быть губительно.

37.

Что долженъ дѣлать человѣкъ, чтобы жить по ученію Христа?

204. Для того, чтобы жить по ученію Христа, человѣкъ долженъ уничтожить препятствія, мѣшающія истинной жизни, т. е. проявленію любви.

205. Препятствія этому составляютъ грѣхи. Но грѣхи не могутъ быть уничтожены, пока человѣкъ не освободится отъ соблазновъ. Освободиться же отъ соблазновъ можетъ только человѣкъ, свободный отъ обмановъ вѣры.

206. И потому для того, чтобы жить по ученію Христа, человѣку нужно прежде всего освободиться отъ обмановъ вѣры.

207. Только освободившись отъ обмановъ вѣры, человѣкъ можетъ освободиться отъ лжи соблазновъ; и только познавъ ложь соблазновъ, можетъ человѣкъ освободиться отъ грѣховъ.

38.

Освобожденіе отъ обмановъ вѣры.

208. Для того, чтобы освободиться отъ обмановъ вѣры вообще, человѣку надо понимать и помнить, что единственное орудіе познанія, которымъ владѣетъ

человѣкъ, есть его разумъ, и что поэтому всякая проповѣдь, утверждающая что либо противное разуму, есть обманъ, попытка устраненія единственнаго, даннаго Богомъ человѣку орудія познанія.

209. Для того, чтобы быть свободнымъ отъ обмановъ вѣры, человѣку надо понимать и помнить, что у него нѣтъ и не можетъ быть никакого другаго, кромѣ разума, орудія познанія, — что хочетъ онъ или не хочетъ того, всякій человѣкъ вѣритъ только разуму, и что поэтому люди, говорящіе, что они вѣрятъ не разуму, а Моисею, Буддѣ, Христу, Магомету, церкви, Корану, Библіи, — обманываютъ себя, потому что, чему бы они ни вѣрили, они вѣрятъ не тому, кто передаетъ имъ тѣ истины, въ которыя они вѣрятъ — Моисею, Буддѣ, Христу, Библіи, — но вѣрятъ разуму, который говоритъ имъ, что имъ надо вѣрить Моисею, Христу, Библіи, и надо не вѣрить Буддѣ и Магомету, Библіи и наоборотъ.

210. Истина не можетъ войти въ человѣка помимо разума, и потому человѣкъ, который думаетъ, что онъ познаетъ истины вѣрою, а не разумомъ, только обманываетъ себя и неправильно употребляетъ свой разумъ на то, на что онъ не предназначенъ, — на рѣшеніе вопросовъ о томъ, кому изъ передающихъ ученія, выдаваемыя за истину, надо вѣрить и кому не вѣрить. Разумъ же предназначенъ не на то, чтобы рѣшать кому нужно, а кому не нужно вѣрить, этого онъ и не можетъ рѣшить, а на то, чтобы провѣрять справедливость того, что предлагается ему. Это онъ всегда можетъ и на это онъ и предназначенъ.

211. Лжетолкователи истины говорятъ обыкновенно о томъ, что разуму нельзя вѣрить потому, что разумъ разныхъ людей утверждаетъ разное, и что поэтому для единенія людей лучше вѣрить въ откровеніе, подтверждаемое чудесами. Но такое утвержденіе прямо противуположно истинѣ. Разумъ никогда не утверждаетъ различнаго. Онъ всегда во всѣхъ людяхъ утверждаетъ и отрицаетъ одно и то же.

212. Только вѣры, утверждая — одна, что Богъ открылъ себя на Синаѣ и что онъ Богъ евреевъ, а другая, что Богъ есть Брама, Вишну и Сива, а третья, что Богъ есть Троица: Отецъ, Сынъ и Святой Духъ; а четвертая, что Богъ есть небо и земля; а пятая, что истина открыта вся Буддою; а шестая, что вся она открыта Магометомъ, — только вѣры эти раздѣляютъ людей, разумъ же, будетъ ли это разумъ еврея, японца, китайца, араба, англичанина, русскаго, всегда и у всѣхъ говоритъ одно и то же.

213. Когда говорятъ, что разумъ можетъ обманывать, и въ подтвержденіе приводятъ не согласныя утвержденія различныхъ людей о томъ, что есть Богъ и какъ нужно служить ему, то тѣ, которые говорятъ это, дѣлаютъ умышленную или не умышленную ошибку, смѣшивая разумъ съ разсужденіями и вымыслами. Разсужденія и вымыслы дѣйствительно могутъ быть и бываютъ безконечно разнообразны и различны, но рѣшенія разума всегда одинаковы для всѣхъ людей и во всѣ времена. Разсужденія и вымыслы о томъ, какъ произошелъ міръ или грѣхъ, и что будетъ послѣ смерти, могутъ быть

безконечно различны, но рѣшенія разума о томъ, правда ли то, что три Бога вмѣстѣ составляютъ одного, правда ли то, что человѣкъ умеръ и потомъ воскресъ, правда ли, что человѣкъ ходилъ по водѣ или улетѣлъ въ тѣлѣ на небо, что съѣдая хлѣбъ и вино я съѣдаю тѣло и кровь — рѣшенія разума объ этихъ вопросахъ всегда одни и тѣ же для всѣхъ людей и во всемъ мірѣ и всегда несомнѣнно вѣрны. Говорятъ ли о томъ, что Богъ ходилъ въ огненномъ столбу или о томъ, что Будда поднялся на лучахъ солнца или Магометъ леталъ на небо, или Христосъ ходилъ по водѣ и т. п., разумъ всѣхъ людей всегда и вездѣ отвѣчаетъ одно и тоже: это неправда. На вопросы же о томъ, справедливо ли поступать съ другими такъ же, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой? Хорошо ли любить и прощать имъ ихъ обиды и быть милосердымъ? разумъ всѣхъ людей и во всѣ времена говоритъ: да, справедливо, хорошо.

214. И потому, чтобы не подпасть обманамъ вѣры, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что истина открыта ему только въ его разумѣ, данномъ Богомъ человѣку для познанія воли Бога, и что внушеніе недовѣрія къ разуму имѣетъ въ своей основѣ желаніе обмана, и есть величайшее кощунство.

215. Таково общее средство для освобожденія себя отъ обмановъ вѣры. Но для того, чтобы быть свободнымъ отъ обмановъ вѣры, надо знать всѣ виды этихъ обмановъ и остерегаться ихъ, противодѣйствовать имъ.

39.

Освобожденіе отъ обмана вѣры, внушеннаго съ дѣтства.

216. Для того, чтобы человѣкъ могъ жить по ученію Христа, ему прежде всего нужно освободиться отъ обмана вѣры, въ которой онъ воспитался, — все равно будетъ ли это обманъ вѣры еврейскій, буддійскій, японскій, конфуціанскій или христіанскій.

217. Для того же, чтобы освободиться отъ обмановъ вѣры, въ которыхъ человѣкъ бываетъ воспитанъ съ дѣтства, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что разумъ данъ ему непосредственно отъ Бога и Онъ одинъ только можетъ соединить всѣхъ людей, тогда какъ преданія человѣческія не соединяютъ, а раздѣляютъ людей, и потому долженъ не только не бояться сомнѣній и вопросовъ, вызываемыхъ разумомъ при провѣркѣ внушенныхъ съ дѣтства вѣрованій, а напротивъ старательно подвергать разсмотрѣнію и сличенію съ другими вѣрованіями всѣ тѣ вѣрованія, которыя переданы ему съ дѣтства, признавая справедливымъ только то, что не противорѣчитъ разуму, какъ бы ни было торжественно обставлено и старо передаваемое преданіе.

218. Подвергнувъ же внушенныя ему съ дѣтства вѣрованія суду разума, человѣкъ, желающій освободить себя отъ обмана вѣры, внушеннаго ему съ дѣтства, долженъ смѣло и безотговорочно откидывать все, что противно разуму, ни минуты не сомнѣ-

ваясь въ томъ, что то, что противно разуму и не можетъ быть истинно.

219. Освободившись же самъ отъ обмана вѣры, внушеннаго съ дѣтства, человѣкъ, желающій жить по ученію Христа, долженъ не только самъ словомъ, примѣромъ или умолчаніемъ не содѣйствовать обману дѣтей, но всѣми средствами разоблачать этотъ обманъ, по словамъ Христа, жалѣвшаго дѣтей за тѣ обманы, которымъ они подвергаются.

40.

Освобожденіе отъ обмана вѣры, производимаго воздѣйствіемъ на внѣшнія чувства.

220. Освободившись отъ обмана вѣры, внушаемаго съ дѣтства, человѣкъ долженъ остерегаться обмана, производимаго обманщиками всѣхъ народовъ посредствомъ воздѣйствія на внѣшнія чувства.

221. Для того, чтобы не подпасть этому обману, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что истина для своего распространенія и усвоенія людьми не нуждается ни въ какихъ приспособленіяхъ и украшеніяхъ, что только ложь и обманъ для того, чтобы быть восприняты людьми, нуждаются въ особенныхъ условіяхъ передачи ихъ, и что поэтому всякія торжественныя службы, шествія, украшенія, благовонія, пѣніе и т. п. не только не служатъ признакомъ того, что при этихъ условіяхъ передается истина, но какъ разъ наоборотъ служатъ вѣрнымъ признакомъ того, что тамъ, гдѣ употребляются эти средства, передается не истина, а ложь.

222. Чтобы не подпасть обману воздѣйствія на

внѣшнія чувства, человѣкъ долженъ помнить слова Христа, что Богу нужно служить не въ какомъ либо извѣстномъ мѣстѣ, а духомъ и истиной и что тотъ, кто хочетъ молиться, долженъ идти не въ храмъ, а запереться въ уединеніи своей комнаты, зная, что всякое великолѣпіе въ богослуженіи имѣетъ цѣлью обманъ, тѣмъ болѣе жестокій, чѣмъ великолѣпнѣе служеніе, и потому не только самому не участвовать въ одуряющихъ богослуженіяхъ, но и гдѣ возможно обличать обманъ ихъ.

41.

Освобожденіе отъ обмана посредничества.

223. Освободившись и отъ второго обмана воздѣйствія на внѣшнія чувства, человѣкъ долженъ еще беречься обмана посредничества между человѣкомъ и Богомъ, которое, если онъ только допуститъ его, непремѣнно скроетъ отъ него истину.

224. Чтобы не подпасть этому обману, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что Богъ открывается только непосредственно сердцу человѣка и что всякое посредничество, будетъ ли то одно лицо, собраніе лицъ, книга или преданіе, не только скрываетъ Бога отъ человѣка, но дѣлаетъ самое страшное зло, которое можетъ постигнуть человѣка, а именно то, что человѣкъ считаетъ Богомъ то, что не есть Богъ.

225. Какъ только человѣкъ допустилъ вѣру въ какое бы то ни было посредничество, такъ онъ лишилъ себя единственной возможности достовѣрности знанія и открылъ возможность воспріятія всякой лжи, вмѣсто истины.

226. Только благодаря посредничеству людей могли совершаться и совершаются тѣ страшные обманы, вслѣдствіе которыхъ разумные и добрые люди молятся, какъ Богу, Христу, Богородицѣ, Буддѣ, Магомету, святымъ, мощамъ, иконамъ.

227. Чтобы не подпасть этому обману, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что истина открыта ему прежде и вѣрнѣе всего не въ книгѣ, не въ преданіи, не въ какомъ нибудь собраніи людей, а въ его собственномъ сердцѣ и въ разумѣ, какъ это и говорилъ еще Моисей, объявившій народу, что законъ Бога не надо искать ни за моремъ, ни на небѣ, а въ своемъ сердцѣ, и, какъ говорилъ это Христосъ евреямъ, говоря, что вы не знаете истины, потому что вѣрите преданіямъ человѣческимъ, а не тому, кого Онъ послалъ. Послалъ же Богъ въ насъ разумъ — одно и непогрѣшимое орудіе познанія, которое дано намъ.

228. Чтобы не подпасть обману посредничества, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что истина никогда не можетъ быть открыта вся, что она постепенно открывается людямъ и открывается только тѣмъ, которые ищутъ ее, а не тѣмъ, которые, вѣруя въ то, что имъ передаютъ непогрѣшимые посредники, думаютъ, что обладаютъ ею, и потому, чтобы не подвергать себя опасности впасть въ самыя страшныя заблужденія, человѣкъ не долженъ признавать никого непогрѣшимымъ учителемъ, а искать истины вездѣ, во всѣхъ преданіяхъ человѣческихъ, провѣряя ихъ своимъ разумомъ.

42.

Освобожденіе отъ вѣры въ чудеса.

229. Но и освободившись отъ обмана, внушеннаго съ дѣтства, и не подпадая обману внушенія лжи посредствомъ торжественности и не признавая посредничества между собою и Богомъ, человѣкъ все таки не будетъ свободенъ отъ обмана вѣры и не будетъ въ состояніи познать ученіе Христа, если не освободится отъ вѣры въ сверхъестественное, въ чудесное.

230. Говорятъ, что чудеса, т. е. сверхъестественное, совершается для того, чтобы соединить людей, а между тѣмъ ничто такъ не разъединяетъ людей, какъ чудеса, потому что каждая вѣра утверждаетъ свои чудеса и отвергаетъ чудеса другихъ вѣръ. Оно и не можетъ быть иначе: чудеса, т. е. сверхъестественное, безконечно разнообразно, только естественное всегда и вездѣ одно и то же.

231. И потому, чтобы быть свободнымъ отъ обмановъ вѣры въ чудесное, человѣкъ долженъ признавать истиннымъ только то, что естественно, т. е. согласно съ его разумомъ, и признавать за ложь все то, что неестественно, т. е. противорѣчитъ разуму, зная, что все, что выдается за таковое, есть обманъ людской, какъ обманы всякихъ современныхъ чудесъ, исцѣлѣній, воскрешеній, чудотворныхъ иконъ, мощей, пресуществленіе хлѣба и вина и т. п., такъ же, какъ и чудесъ, про которыя разсказывается въ библіи, въ евангеліяхъ, въ буддійскихъ, магометанскихъ, таосійскихъ и другихъ книгахъ.

43.

Освобожденіе отъ обмановъ вѣры ложнаго перетолкованія.

230. Освободившись отъ обмана посредничества, человѣку нужно освободиться отъ обмана ложнаго перетолкованія истины.

231. Въ какой бы вѣрѣ не воспитывался человѣкъ, въ магометанской, христіанской, буддійской, еврейской или конфуціанской, во всякомъ ученіи вѣры человѣкъ встрѣчаетъ утвержденіе несомнѣнной истины, признаваемой его разумомъ, и рядомъ съ нимъ утвержденія, противныя разуму, выдаваемыя за одинаково достовѣрныя.

232. Для того, чтобы освободиться отъ этого обмана вѣры, человѣкъ долженъ не смущаться тѣмъ, что истины, признаваемыя разумомъ и не признаваемыя имъ, выдаются за одинаково достовѣрныя по своему одинаковому происхожденію и какъ будто неразрывно связаны между собой, а долженъ понимать и помнить, что всякое откровеніе людямъ истины (т. е. всякое пониманіе новой истины однимъ изъ передовыхъ людей) всегда такъ поражало людей, что облекалось въ форму сверхъестественную, что къ каждому проявленію истины неизбѣжно примѣшивались суевѣрія, и что поэтому для познанія истины не только не обязательно принимать все, что передается о появленіи истины, а, напротивъ, обязательно отдѣлять въ передаваемомъ ложь и вымыселъ отъ истины и дѣйствительности.

233. Отдѣливъ же истину отъ присоединенныхъ

къ ней суевѣрій, пусть человѣкъ понимаетъ и помнитъ, что суевѣрія, примѣшиваемыя къ истинѣ, не только не также священны, какъ сама истина, какъ это проповѣдуется людьми, находящими свою выгоду въ этихъ суевѣріяхъ, а напротивъ составляютъ самое пагубное и вредное явленіе, скрывающее истину и на уничтоженіе котораго человѣкъ долженъ употребить всѣ свои силы.

ЧАСТЬ V.

Освобожденіе отъ соблазновъ.

44.

Какъ избѣжать соблазновъ.

234. Освободившись отъ обмановъ вѣры, человѣкъ былъ бы способенъ къ воспринятію ученія Христа, если бы не было соблазновъ. Но и будучи свободнымъ отъ обмановъ вѣры и понимая смыслъ ученія Христа, человѣкъ всегда находится въ опасности впаденія въ соблазны.

235. Сущность всѣхъ соблазновъ въ томъ, что человѣкъ, пробудившійся къ сознанію, испытывая раздвоеніе и страданіе отъ совершеннаго грѣха, хочетъ уничтожить раздвоеніе и происходящее отъ него страданіе не борьбой съ грѣхомъ, а оправданіемъ его.

236. Оправданіе же грѣха не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ ложью.

237. И потому, чтобы не впасть въ соблазнъ, человѣку прежде всего нужно не бояться признавать истину, зная, что такое признаніе не можетъ удалить его отъ блага, тогда какъ обратное — ложь, есть главный источникъ грѣха и удаленія отъ блага.

240. Такъ что для того, чтобы избѣжать соблазновъ, человѣкъ долженъ, главное, не лгать и

не лгать, главное, передъ самимъ собою, и не столько заботиться о томъ, чтобы не солгать передъ другими, сколько о томъ, чтобы не лгать передъ самимъ собою, скрывая отъ самого себя цѣли своихъ поступковъ.

241. Для того, чтобы не впадать въ соблазны и въ вытекающую изъ соблазновъ привычку грѣховъ и погибели, человѣкъ долженъ не бояться каяться въ своихъ грѣхахъ, зная, что покаяніе есть единственное средство освобожденія отъ грѣховъ и вытекающихъ изъ нихъ бѣдствій.

242. Таково одно общее средство для того, чтобы человѣкъ не впадалъ вообще въ соблазны. Для того, чтобы умѣть избѣжать каждаго отдѣльнаго соблазна, необходимо ясно понимать, въ чемъ ложь и вредъ ихъ.

45.

Ложь соблазна приготовленія (личнаго).

243. Первый и самый обычный соблазнъ, который захватываетъ человѣка, есть соблазнъ личный, соблазнъ приготовленія къ жизни вмѣсто самой жизни. Если человѣкъ не самъ придумаетъ себѣ это оправданіе грѣхамъ, то онъ всегда найдетъ это оправданіе, уже впередъ придуманное людьми, жившими прежде него.

244. «Теперь мнѣ можно на время отступить отъ того, что̀ должно и чего требуетъ моя духовная природа, потому что я не готовъ», говоритъ себѣ человѣкъ. «А вотъ я приготовлюсь, наступитъ время и тогда я начну жить уже вполнѣ сообразно съ своей совѣстью».

245. Ложь этого соблазна состоитъ въ томъ, что

человѣкъ отступаетъ отъ жизни въ настоящемъ, одной дѣйствительной жизни, и переноситъ ее въ будущее, тогда какъ будущее не принадлежитъ человѣку.

246. Ложь этого соблазна отличается тѣмъ, что если человѣкъ предвидитъ завтрашній день, то онъ долженъ предвидѣть и послѣзавтрашній и послѣ, послѣ . . . Если же онъ предвидитъ все это, то онъ предвидитъ и свою неизбѣжную смерть. Предвидя же свою неизбѣжную смерть, онъ не можетъ готовиться на будущее въ этой кончающейся жизни, потому что смерть разрушаетъ смыслъ всего того, къ чему готовится человѣкъ въ этой жизни. Человѣкъ, давшій ходъ своему разуму, не можетъ не видѣть, что жизнь его отдѣльнаго существа не имѣетъ смысла и потому готовить для этого существа ничего нельзя.

247. Съ другой стороны ложь этого соблазна видна потому, что человѣкъ не можетъ готовить себя къ будущему проявленію любви и служенію Богу: человѣкъ не есть орудіе, которымъ пользуется другой. Можно наточить топоръ и не успѣть рубить имъ, имъ воспользуется другой; но человѣкомъ никто не можетъ воспользоваться, кромѣ какъ онъ самъ, потому что онъ самъ есть орудіе, постоянно работающее и совершенствующееся только на работѣ.

248. Вредъ же этого соблазна въ томъ, что человѣкъ, подпавшій ему, не живетъ не только истинной, но даже и временной жизнью въ настоящемъ и переноситъ свою жизнь въ будущее, которое никогда не приходитъ. Думая же совершенствовать себя для будущаго, человѣкъ упускаетъ единствен-

ное, предлежащее каждому человѣку совершенствованіе въ любви, которое можетъ быть только въ настоящемъ.

249. Для того, чтобы не подпасть этому соблазну, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что готовиться некогда, что онъ долженъ жить лучшимъ образомъ сейчасъ, такой, какой онъ есть, что совершенствованіе, нужное для него, есть только одно совершенствованіе въ любви, а это совершенствованіе совершается только въ настоящемъ.

250. И потому долженъ не откладывая жить всякую минуту всѣми своими силами, настоящимъ, для Бога, т. е. для всѣхъ тѣхъ, кто предъявляетъ требованія къ его жизни, зная, что всякую минуту онъ можетъ быть лишенъ возможности этого служенія и что для этого то ежечаснаго служенія онъ и пришелъ въ міръ.

46.

Ложь и вредъ соблазна дѣла.

251. Всякій человѣкъ, занимаясь какимъ нибудь дѣломъ, невольно увлекается имъ и ему кажется, что ради дѣла онъ можетъ не дѣлать того, что требуетъ отъ него его совѣсть, т. е. Богъ.

252. Ложь этого соблазна состоитъ въ томъ, что всякое дѣло человѣческое можетъ оказаться безполезнымъ, можетъ прерваться и не быть конченнымъ; дѣло же Божье, совершаемое человѣкомъ, исполненіе воли Бога, никогда не можетъ быть безполезнымъ и ничѣмъ не можетъ быть прервано.

253. Вредъ же этого соблазна въ томъ, что, до-

пустивъ то, что какое либо дѣло — будетъ ли это запахиваніе разсѣянныхъ сѣмянъ или освобожденіе цѣлаго народа отъ рабства — важнѣе того, часто самого ничтожнаго на людской судъ, дѣла Божія, т. е. сейчасной помощи и служенія ближнему, всегда найдутся дѣла, которыя нужно прежде закончить, чѣмъ исполнить требованіе дѣла Божія, и человѣкъ навсегда освободитъ себя отъ служенія Богу, т. е. исполненія дѣла жизни, замѣнивъ служеніемъ мертвому — служеніе живому.

254. Вредъ въ томъ, что допустивъ этотъ соблазнъ, люди всегда будутъ откладывать служеніе Богу до тѣхъ поръ, пока они будутъ свободны отъ всѣхъ дѣлъ мірскихъ. Отъ дѣлъ же мірскихъ люди никогда не бываютъ свободны. Для того, чтобы не впадать въ этотъ соблазнъ, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что всякое дѣло человѣческое, имѣющее конецъ, не можетъ быть цѣлью моей истинной безконечной жизни, и что такой цѣлью можетъ быть только участіе въ безконечномъ дѣлѣ Божьемъ, состоящемъ въ наибольшемъ проявленіи любви.

255. И потому, для того, чтобы не впадать въ соблазнъ дѣла, человѣкъ не долженъ никогда дѣлать такое свое дѣло, которое нарушаетъ дѣло Божье, т. е. любовь къ людямъ, долженъ быть всегда готовымъ бросить всякое дѣло, какъ скоро его призываетъ совершеніе дѣла Божія: быть какъ работникъ, стоящій на хозяйской работѣ и могущій дѣлать свои дѣла только тогда, когда его силъ и вниманія не требуетъ хозяйское дѣло.

47.

Ложь и вредъ соблазна семейнаго.

256. Соблазнъ этотъ болѣе всѣхъ другихъ оправдываетъ грѣхи людей. Если человѣкъ свободенъ отъ соблазна приготовленія къ жизни, соблазна дѣла, то рѣдкій человѣкъ, въ особенности женщина, бываетъ свободенъ отъ соблазна семейнаго.

257. Соблазнъ этотъ состоитъ въ томъ, что люди, во имя исключительной любви къ своимъ семейнымъ, считаютъ себя свободными отъ обязанности къ другимъ людямъ и спокойно совершаютъ грѣхи корысти, борьбы, праздности, похоти, не считая ихъ грѣхами.

258. Ложь этого соблазна состоитъ въ томъ, что животное чувство, влекущее къ продолженію рода, которое законно только въ той мѣрѣ, въ которой оно не нарушаетъ любви къ людямъ, принимается за добродѣтель, оправдывающую грѣхъ.

259. Вредъ же этого соблазна въ томъ, что онъ болѣе, чѣмъ какой либо другой соблазнъ, усиливаетъ грѣхъ собственности, ожесточаетъ борьбу между людьми, возводя въ заслугу и добродѣтель животное чувство любви къ своимъ семейнымъ; отводитъ людей отъ возможности познанія истиннаго смысла жизни.

260. Чтобы не подпадать этому соблазну, человѣкъ долженъ не только не воспитывать въ себѣ любовь къ своимъ семейнымъ, не только не считать эту любовь добродѣтелью и не отдаваться ей, а, напротивъ, зная соблазнъ, всегда быть на сторожѣ противъ него, чтобы не пожертвовать любовью Божеской для любви семейной.

261. Любить враговъ, любить немилыхъ, лю-

бить чужихъ можно безъ осторожности, вполнѣ отдаваясь этой любви, но нельзя такъ любить семейныхъ, потому что такая любовь ведетъ къ ослѣпленію и оправданію грѣховъ.

262. Чтобы не подпадать этому соблазну, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что любовь только тогда истинная любовь, дающая жизнь и благо, когда она не ищетъ, не ждетъ, не надѣется на награду, также какъ всякое проявленіе жизни, которая не ждетъ награды за то, что она есть; а что любовь къ своимъ семейнымъ есть животное чувство и хорошо только до тѣхъ поръ, пока оно въ предѣлахъ инстинкта и человѣкъ не жертвуетъ для него своими духовными требованіями.

263. И потому, чтобы не подпадать этому соблазну, человѣкъ долженъ для всякаго чужаго человѣка стараться дѣлать то же, что онъ хочетъ сдѣлать для своего семейнаго, а для своихъ семейныхъ не дѣлать ничего того, чего не готовъ и не можетъ сдѣлать для всякаго чужаго.

48.

Ложь и вредъ соблазна товарищества.

264. Людямъ кажется, что если они, выдѣлившись отъ другихъ людей и связавшись между собой исключительными условіями, соблюдаютъ эти условія, то они дѣлаютъ такое доброе дѣло, которое освобождаетъ ихъ отъ общихъ требованій ихъ совѣсти.

265. Ложь этого соблазна въ томъ, что, вступая въ товарищества съ однимъ малымъ количествомъ людей, люди выдѣляютъ себя изъ естественнаго то-

варищества всѣхъ людей и поэтому нарушаютъ самыя важныя естественныя обязанности во имя искусственныхъ.

266. Вредъ же этого соблазна въ томъ, что люди, ставшіе въ условія товарищества, руководясь въ жизни не общими законами разума, а своими исключительными правилами, все болѣе и болѣе удаляются отъ общихъ всѣмъ людямъ разумныхъ основъ жизни, становятся нетерпимѣе и жесточе ко всѣмъ не принадлежащимъ къ ихъ товариществу и тѣмъ лишаютъ себя и другихъ истиннаго блага.

267. Чтобы не подпадать этому соблазну, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что правила товарищества, устанавливаемыя людьми, могутъ быть безконечно разнообразны, безконечно измѣняемы и противуположны другъ другу, что всякое правило, искусственно установленное людьми, не должно связывать его, если оно можетъ быть противно закону любви, что всякая исключительная связь съ людьми ограничиваетъ кругъ общенія и тѣмъ лишаетъ человѣка главнаго условія его блага, возможности любовнаго общенія со всѣми людьми міра.

268. И потому не только не вступать ни въ какія общества, товарищества, согласія, а напротивъ избѣгать всего того, что можетъ выдѣлить вмѣстѣ съ другими и всѣхъ остальныхъ людей міра.

49

Ложь и вредъ соблазна государственнаго.

269. Соблазнъ этотъ, самый жестокій, передается людямъ такъ же, какъ ложная вѣра — посредствомъ

двухъ пріемовъ обмана: внушенія лжи дѣтямъ и воздѣйствія на чувства людей внѣшней торжественностью. Почти всѣ люди, живущіе въ государствахъ, какъ только пробуждаются къ сознанію, застаютъ себя уже запутанными въ государственныхъ соблазнахъ и живутъ въ убѣжденіи о томъ, что ихъ народъ, ихъ государство, ихъ отечество суть лучшій, особенный народъ, государство, отечество, для блага и преуспѣянія котораго должно слѣпо повиноваться существующему правительству и по повелѣнію этого правительства мучить, ранить и убивать своихъ ближнихъ.

270. Ложь этого соблазна состоитъ въ томъ, что человѣкъ будто бы во имя блага народа можетъ отказаться отъ требованій своей совѣсти и своей нравственной свободы.

271. Вредъ же этого соблазна въ томъ, что какъ только человѣкъ допуститъ возможность понять и узнать, въ чемъ добро многихъ людей, нѣтъ предѣловъ предположеніямъ о томъ добрѣ многихъ людей, которое можетъ вытечь изъ какого бы то ни было поступка, и потому всякій поступокъ можетъ быть оправданъ и какъ только человѣкъ допустилъ, что для блага многихъ въ будущемъ можно пожертвовать благомъ и жизнью одного человѣка, то нѣтъ предѣловъ того зла, которое можетъ быть совершено во имя такого соображенія. По первому предположенію о томъ, что люди могутъ знать будущее благо многихъ, поддерживались въ прежнія времена пытки, инквизиція, рабство; поддерживаются въ наше время суды, тюрьмы, земельная соб-

ственность. По второму предположенію Каіафы въ прежнее время убитъ Христосъ и теперь въ казняхъ и войнахъ гибнутъ милліоны.

272. Для того, чтобы не впадать въ этотъ соблазнъ, человѣкъ долженъ понимать и помнить, что онъ, прежде чѣмъ принадлежать къ какому либо государству или народу, принадлежитъ Богу, какъ членъ всемірнаго царства, и онъ ни на кого не можетъ сложить отвѣтственность за свои поступки и всегда только самъ отвѣтственъ за нихъ.

273. И потому человѣкъ не долженъ никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ предпочитать людей своего народа или государства — людямъ другого народа или государства, не долженъ никогда совершать зла своимъ ближнимъ въ виду какихъ бы то ни было соображеній о будущемъ благѣ многихъ, не долженъ считать себя обязаннымъ повиноваться кому бы то ни было, преимущественно передъ своей совѣстью.

ЧАСТЬ VI.

Борьба съ грѣхами.

50.

Борьба съ грѣхами.

274. Но, освободившись отъ обмана вѣры и уберегшись отъ соблазновъ, человѣкъ все таки впадаетъ въ грѣхи. Человѣкъ съ пробудившимся сознаніемъ знаетъ, что смыслъ его жизни только въ служеніи Богу, и все таки по привычкѣ совершаетъ грѣхи, мѣшающіе и проявленію любви и достиженію истиннаго блага.

275. Какъ человѣку бороться съ привычкой грѣха?

276. Для борьбы съ привычкой грѣха есть два средства: первое — ясно понимать послѣдствія грѣховъ, — то, что грѣхи не достигаютъ той цѣли, для которыхъ они совершаются, и не увеличиваютъ, а скорѣе уменьшаютъ животное благо отдѣльнаго человѣка; во вторыхъ — знать съ какими грѣхами надо начинать бороться, съ какими прежде и съ какими послѣ.

277. И потому во первыхъ надо всегда ясно понимать и помнить, что положеніе человѣка въ мірѣ таково, что всякое исканіе имъ личнаго блага послѣ

того, какъ въ немъ пробудилось разумное сознаніе, лишаетъ его этого самого блага и что напротивъ онъ получаетъ благо только тогда, когда не думаетъ о личномъ благѣ, отдавая всѣ свои силы на служеніе Богу. Ищите царства и правды его, а остальное приложится вамъ.

278. И во вторыхъ то, что для успѣшности борьбы съ привычками грѣха надо знать, на какой грѣхъ прежде всего надо направлять свое вниманіе: не начинать борьбу съ грѣхомъ, который имѣетъ корень въ другомъ непобѣжденномъ грѣхѣ, знать связь и послѣдовательность грѣховъ между собой.

51.

Послѣдовательность борьбы съ грѣхами.

279. Есть связь и послѣдовательность между грѣхами, такъ что одинъ грѣхъ порождаетъ другіе или мѣшаетъ освобожденію отъ нихъ.

280. Нельзя человѣку освободиться отъ какого либо изъ грѣховъ, если онъ предается грѣху опьяненія и нельзя освободиться отъ грѣха борьбы, если человѣкъ предается грѣху собственности, и нельзя освободиться отъ грѣха собственности, если человѣкъ предается грѣху праздности, и нельзя освободиться отъ грѣха блуда, если человѣкъ предается грѣху похоти и праздности, и нельзя человѣку освободиться отъ грѣха борьбы и собственности, если онъ предается грѣху похоти.

281. Это не значитъ того, что не надо бороться со всякимъ грѣхомъ во всякое время, но значитъ

то, что для успѣшности борьбы съ грѣхомъ надо знать, съ какого надо начинать или, скорѣе, съ какого нельзя начинать, чтобы борьба была успѣшна.

282. Только отъ этой непослѣдовательности борьбы съ грѣхами происходитъ неуспѣшность этой борьбы, приводящей часто борящагося въ отчаяніе.

283. Грѣхъ, предаваясь которому невозможна борьба ни съ какимъ изъ грѣховъ, есть опьяненіе, какое бы то ни было: опьяненіе одурманивающими веществами, торжественностью и быстрыми, усиленными движеніями; опьяненный человѣкъ не поборется ни съ праздностью, ни съ похотью, ни съ блудомъ, ни съ властолюбіемъ. И потому для того, чтобы бороться съ другими грѣхами, человѣкъ долженъ прежде всего освободиться отъ грѣха опьяненія.

284. Слѣдующій грѣхъ, отъ котораго долженъ освободиться человѣкъ для того, чтобы быть въ силахъ бороться съ похотью, корыстью, властолюбіемъ, блудомъ, есть грѣхъ праздности. Чѣмъ свободнѣе будетъ человѣкъ отъ грѣха праздности, тѣмъ легче ему воздержаться отъ грѣха похоти, корысти, блуда и властолюбія: человѣкъ трудящійся не нуждается въ усложненіи средствъ удовлетворенія потребностей, не нуждается въ собственности, менѣе подлежитъ искушеніямъ блуда и не имѣетъ ни поводовъ, ни досуга для борьбы.

285. Слѣдующій за этимъ есть грѣхъ похоти. Чѣмъ больше воздерживается человѣкъ въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, тѣмъ легче ему освободиться отъ грѣха корысти, властолюбія, блуда: человѣку, довольствующемуся малымъ не нужно собственности,

воздержаніе помогаетъ борьбѣ съ блудомъ и не нуждаясь во многомъ ему нѣтъ поводовъ борьбы.

286. Слѣдующій за этими грѣхами есть грѣхъ корысти. Чѣмъ свободнѣе будетъ отъ этого грѣха человѣкъ, тѣмъ легче ему будетъ воздержаться отъ грѣха блуда и грѣха борьбы. Ничто такъ не поощряетъ грѣха блуда, какъ излишекъ собственности, и ничто не вызываетъ такой борьбы между людьми.

287. Слѣдующій за этими и послѣдній грѣхъ есть грѣхъ борьбы, включенный во всѣ грѣхи и вызываемый всѣми другими грѣхами и наибольшее освобожденіе отъ котораго возможно только при освобожденіи отъ всѣхъ предшествующихъ.

52.

Какъ бороться съ грѣхами.

288. Бороться съ грѣхами вообще можно только, зная послѣдовательность грѣховъ, такъ, чтобы начинать борьбу прежде съ тѣми, безъ освобожденія отъ которыхъ нельзя бороться съ другими.

289. Но и въ борьбѣ съ каждымъ отдѣльнымъ грѣхомъ надо начинать съ тѣхъ проявленій грѣховъ, воздержаніе отъ которыхъ во власти человѣка, къ которымъ человѣкъ не сдѣлалъ еще привычки.

290. Такіе грѣхи во всѣхъ родахъ грѣховъ — и опьяненія, и праздности, и похоти, и корысти, и власти, и блуда, — суть грѣхи личные, тѣ, которые дѣлаетъ человѣкъ въ первый разъ, не имѣя еще привычки къ нимъ. И потому прежде всего отъ нихъ то и долженъ освобождаться человѣкъ.

291. Только освободившись отъ этихъ грѣховъ,

— т. е. переставъ придумывать новыя средства увеличенія личнаго блага, долженъ человѣкъ начать бороться съ привычками, преданіемъ, установленнымъ въ его средѣ грѣхами.

292. И только поборовъ эти грѣхи, можетъ человѣкъ начинать борьбу съ грѣхами прирожденными.

53.

Борьба съ грѣхомъ опьяненія.

293. Назначеніе человѣка есть проявленіе и увеличеніе любви. Увеличеніе это совершается только вслѣдствіе сознанія человѣкомъ своего истиннаго божественнаго *я*. Чѣмъ больше человѣкъ сознаетъ свое истинное *я*, тѣмъ больше его благо. И потому все, что противодѣйствуетъ этому сознанію (какъ противодѣйствуетъ ему всякое возбужденіе), усиливающее ложное сознаніе отдѣльной жизни и ослабляющее сознаніе истиннаго *я* (какъ это дѣлаетъ всякое опьяненіе), препятствуетъ истинному благу человѣка.

294. Но, кромѣ того, что всякое опьяненіе препятствуетъ истинному благу человѣка, пробудившагося къ сознанію, всякое опьяненіе обманываетъ человѣка и не только не достигаетъ того увеличенія своего отдѣльнаго блага, котораго ищетъ человѣкъ, предаваясь какому либо возбужденію, но всегда лишаетъ человѣка и того животнаго блага, которое онъ имѣлъ.

295. Человѣкъ, находящійся еще на степени животной жизни или ребенокъ съ еще не пробудившимся сознаніемъ, предаваясь какому либо возбужденію куренію, питію, торжественности, пляскѣ, получаетъ

полное удовлетвореніе отъ произведеннаго возбужденія и не нуждается въ повтореніи этого возбужденія. Но человѣкъ съ пробудившимся разумомъ замѣчаетъ, что всякое возбужденіе заглушаетъ въ немъ дѣятельность разума и уничтожаетъ болѣзненность противорѣчія между требованіемъ животной и духовной природы и потому требуетъ повторенія и усиленія опьяненія и требуетъ его все болѣе и болѣе до тѣхъ поръ, пока совершенно не заглушится пробудившійся въ немъ разумъ, что возможно сдѣлать только, уничтоживъ вполнѣ или по крайней мѣрѣ отчасти тѣлесную жизнь. Такъ что человѣкъ разумный, начавъ предаваться этому грѣху не только не получаетъ ожидаемаго блага, но впадаетъ въ самыя разнообразныя и жестокія бѣдствія.

296. Человѣкъ, свободный отъ опьяненія, пользуется для мірской жизни всѣми тѣми силами ума, которыя даны ему и можетъ разумно избирать лучшее для блага своего животнаго существованія, человѣкъ же, предающійся опьяненію, лишается даже и тѣхъ умственныхъ силъ, которыя свойственны животному для избѣжанія вреда и полученія удовольствія.

297. Таковы послѣдствія грѣха опьяненія для согрѣшающаго, для окружающихъ же послѣдствія его особенно вредны, во-первыхъ тѣмъ, что для произведенія дѣйствія опьяненія нужны огромныя затраты силъ, такъ что бо́льшая доля труда человѣчества тратится на производство опьяняющихъ веществъ и на приготовленія и постройки опьяняющихъ торжественныхъ дѣйствій, процессій, служеній, памятниковъ, храмовъ, всякаго рода празднованій;

во-вторыхъ тѣмъ, что, какъ куреніе, вино, усиленныя движенія и въ особенности торжественности заставляютъ мало думающихъ людей совершать въ то время, какъ они находятся подъ обаяніемъ этихъ воздѣйствій, самые нелѣпые, грубые, губительные и жестокіе поступки. Вотъ это-то долженъ знать и всегда имѣть въ виду человѣкъ, подвергающійся искушенію какого-либо опьяненія.

298. Уничтожить въ себѣ вполнѣ возможность возбужденія временнаго опьяненія отъ принятія пищи, питья или особенныхъ внѣшнихъ условій, или усиленныхъ движеній, и усиленія вслѣдствіе этого своего животнаго сознанія и ослабленія сознанія духовнаго *я*, не можетъ ни одинъ человѣкъ, пока онъ живетъ въ тѣлѣ. Но если человѣкъ и не можетъ вполнѣ уничтожить въ себѣ эту склонность къ возбужденію, то всякій можетъ довести ее въ себѣ до самой меньшей степени. И въ этомъ то и состоитъ предстоящая всякому человѣку борьба съ грѣхомъ опьяненія.

299. Чтобы избавиться отъ грѣха опьяненія, человѣку надо понимать и помнить, что извѣстная степень возбужденія въ извѣстныя времена и при извѣстныхъ условіяхъ свойственна человѣку, какъ животному, но что при пробудившемся въ немъ сознаніи человѣкъ долженъ не только не искать этихъ возбужденій, но стараться избѣгать ихъ, и искать состоянія наиболѣе спокойнаго, такого, при которомъ могла бы во всей своей силѣ проявляться дѣятельность его разума, та дѣятельность, слѣдуя которой возможно достиженіе наибольшаго блага,

какъ своего, такъ и людей и существъ, связанныхъ съ нимъ.

300. Для того же, чтобы достигать этого состоянія, человѣкъ долженъ начинать съ того, чтобы не увеличивать для себя того грѣха опьяненія, къ которому онъ привыкъ и который сталъ обычаемъ его жизни. Если въ обычай жизни человѣка вошли уже извѣстныя привычки опьяненія, повторяющіяся въ извѣстныя времена и признаваемыя всѣми окружающими необходимыми, пусть онъ продолжаетъ эти привычки, но не вводитъ новыхъ, подражая другимъ или самъ придумывая ихъ: если онъ привыкъ курить папиросы, пусть не пріучается къ сигарамъ или опіуму; если привыкъ къ пиву или вину, пусть не пріучается къ болѣе опьяняющему; если привыкъ къ поклонамъ на молитвѣ, дома или въ церкви, или къ прыганію и скаканію на радѣніи, пусть не пріучается къ новымъ; если привыкъ праздновать одни праздники, пусть не празднуетъ новыхъ. Пусть не увеличиваетъ тѣхъ средствъ возбужденія, къ которымъ онъ привыкъ, и онъ уже сдѣлаетъ очень много для избавленія себя и другихъ отъ грѣха опьяненія. Только бы люди не вводили новыхъ пріемовъ грѣха, грѣхъ бы уничтожился, потому что начинается грѣхъ, когда еще въ немъ нѣтъ привычки и легко побѣдить его, и всегда были, есть и будутъ люди, освобождающіеся отъ грѣха.

301. Если же человѣкъ уже твердо созналъ безуміе грѣха опьяненія и твердо рѣшилъ не увеличивать тѣхъ обычаевъ опьяненія, которые стали ему привычными, — пусть перестаетъ курить, пить, если

онъ имѣетъ уже эти привычки; пусть перестаетъ принимать участіе торжествахъ и празднествахъ, въ которыхъ онъ прежде участвовалъ; пусть перестаетъ дѣлать возбуждающія движенія, если онъ привыкъ ихъ дѣлать.

302. Если же человѣкъ освободился отъ тѣхъ искусственныхъ привычекъ опьяненія, въ которыхъ онъ уже живетъ, пусть онъ начинаетъ освобождаться и отъ тѣхъ состояній возбужденія, которыя производятъ въ немъ: извѣстная пища, питье, движеніе и обстановка, которымъ подлежитъ всякій человѣкъ.

303. Хотя и никогда человѣкъ, пока онъ въ тѣлѣ, не освободится вполнѣ отъ состоянія возбужденія и опьяненія, производимыхъ пищей, питьемъ, движеніями, обстановкой, — степень этихъ состояній можетъ быть уменьшена до самого малаго. И чѣмъ больше освободится человѣкъ, пробудившійся къ сознанію, отъ состоянія опьяненія, чѣмъ яснѣе будетъ его разумъ, тѣмъ легче ему будетъ бороться со всѣми другими грѣхами, тѣмъ больше получитъ человѣкъ истиннаго блага, и тѣмъ больше приложится ему блага мірскаго и тѣмъ больше онъ будетъ содѣйствовать благу другихъ людей

54.

Борьба съ грѣхомъ праздности.

304. Человѣкъ съ пробудившимся въ немъ сознаніемъ не есть самобытное, само себя удовлетворяющее существо, могущее имѣть свое независимое благо, а есть посланникъ Бога, для котораго возможно благо только въ той мѣрѣ, въ которой онъ

исполняетъ волю Его. И потому человѣку служить своей отдѣльной личности такъ же неразумно, какъ неразумно работнику служить своему орудію труда, беречь свою лопату или косу, а не тратить ее на предназначенной работѣ; какъ это сказано въ евангеліи: кто сохраняетъ свою плотскую жизнь, тотъ теряетъ жизнь истинную; и только тратя жизнь плотскую, можно получить жизнь истинную.

305. Заставлять другихъ людей работать для удовлетворенія своихъ потребностей такъ же неразумно, какъ неразумно бы было работнику разрушать или портить орудія работы своихъ сотоварищей для того, чтобы сохранить или улучшить то орудіе, которымъ онъ, тратя его, долженъ производить ту работу, къ которой приставленъ и онъ, и его товарищи.

306. Но кромѣ того истиннаго блага, котораго лишаетъ себя человѣкъ, освобождая себя отъ труда и накладывая его на другихъ людей, такой человѣкъ лишаетъ себя и того мірскаго животнаго блага, которое предназначено человѣку при естественномъ тѣлесномъ трудѣ, нужномъ ему для удовлетворенія своихъ потребностей.

307. Наибольшее благо своего отдѣльнаго существа человѣкъ получитъ отъ упражненія своихъ силъ и отдыха, когда онъ будетъ жить инстинктивно какъ животное, трудясь и отдыхая ровно столько, сколько это нужно для его животной жизни. Но какъ скоро человѣкъ искусственно перенесетъ на другихъ трудъ, устроивъ себѣ искусственный отдыхъ, онъ не получитъ наслажденія отъ отдыха.

308. Человѣкъ трудящійся получаетъ истинное наслажденіе отъ отдыха; человѣкъ же праздный, вмѣсто отдыха, который онъ хочетъ себѣ устроить, испытываетъ постоянное безпокойство и, кромѣ того, этой искусственной праздностью уничтожаетъ самый источникъ наслажденія — свое здоровье, такъ что разслабляя свое тѣло, лишаетъ себя возможности труда, а слѣдовательно и послѣдствій труда, истиннаго отдыха и порождаетъ въ себѣ жестокія болѣзни.

309. Таковы послѣдствія праздности для согрѣшающаго; для окружающихъ пагубны послѣдствія этого грѣха во 1-хъ въ томъ, что, какъ говоритъ китайское изрѣченіе, если есть одинъ человѣкъ неработающій, то есть другой, умирающій съ голода; во 2-хъ то, что люди мало думающіе, не зная того недовольства, которое испытываютъ люди праздные, стараются подражать имъ и вмѣсто добрыхъ чувствъ испытываютъ къ нему завистливыя, не добрыя чувства. Вотъ это то долженъ знать всякій человѣкъ, желающій бороться съ грѣхомъ праздности.

310. Для того, чтобы избавиться отъ грѣха праздности, человѣкъ долженъ ясно понимать и помнить, что всякое освобожденіе себя отъ труда, который онъ дѣлалъ, не увеличитъ, а уменьшитъ благо его отдѣльной личности, и произведетъ ненужное зло другимъ людямъ.

311. Уничтожить въ отдѣльномъ животномъ существѣ человѣка стремленіе къ отдыху и отвращеніе къ труду (по библіи праздность была блаженство, а трудъ наказаніе) — невозможно, но уменьшеніе этого грѣха и доведеніе его до наименьшей степени

есть то, къ чему долженъ стремиться человѣкъ въ избавленіе себя отъ этого грѣха.

312. Для избавленія же себя отъ привычки грѣха, человѣкъ долженъ начинать съ того, чтобы не освобождать себя ни отъ какого труда, какой онъ дѣлалъ прежде: если самъ чистилъ свое платье, мылъ бѣлье, — не заставлять это дѣлать другого; если обходился безъ вещей произведенія труда другихъ людей — не покупать ихъ; если ходилъ пѣшкомъ — не садиться на лошадь; если носилъ свой чемоданъ, не давать его носильщику и т. п. Все это кажется такъ ничтожно, а если бы люди не дѣлали этого, они бы избавились отъ большаго количества своихъ грѣховъ и вытекающихъ изъ нихъ страданій.

313. Только когда человѣкъ уже умѣетъ воздерживаться отъ освобожденія себя отъ совершаемаго имъ прежде труда и перенесенія его на другихъ, можетъ человѣкъ съ успѣхомъ начать борьбу съ наслѣдственнымъ грѣхомъ праздности. Если онъ крестьянинъ, то не заставлять слабую жену дѣлать то, что онъ имѣетъ досугъ сдѣлать самъ, не нанимать работника, котораго онъ нанималъ прежде, не покупать предмета произведенія труда, который онъ покупалъ раньше, но безъ котораго обходятся другіе; если онъ богатъ — отпустить камердинера и убирать свои вещи самому и не покупать, какъ прежде, дорогихъ платьевъ, если онъ привыкъ къ этому.

314. Если же человѣкъ съумѣлъ побѣдить праздность, къ которой онъ привыкъ съ дѣтства и спустился на ту ступень труда, на которой живутъ люди, окружающіе его, то только тогда можетъ такой че-

ловѣкъ начать успѣшно борьбу съ прирожденнымъ грѣхомъ праздности, т. е. трудиться для блага другихъ людей и тогда, когда другіе отдыхаютъ.

315. То, что жизнь человѣческая такъ усложнилась вслѣдствіе раздѣленія труда, что человѣку невозможно самому удовлетворять всѣмъ своимъ и своей семьи потребностямъ, и что нельзя обойтись въ нашемъ мірѣ безъ того, чтобы не пользоваться произведеніями чужого труда, — не можетъ помѣшать человѣку стремиться къ такому положенію, при которомъ онъ давалъ бы людямъ больше того, что беретъ отъ нихъ.

316. Для того же, чтобы быть увѣреннымъ въ этомъ, человѣку надобно во первыхъ исполнять самому для себя и своей семьи то, что можетъ успѣть сдѣлать, и во вторыхъ въ служеніи другимъ людямъ выбирать дѣла не тѣ, которыя мнѣ нравятся и на которыя много охотниковъ, какъ это бываетъ со всякими дѣлами управленія людьми, поученія, увеселенія ихъ, а тѣ, которыя настоятельно необходимы, которыя не привлекательны и отъ которыхъ всѣ отказываются, какъ это бываетъ со всякимъ грубымъ и грязнымъ трудомъ.

55.

Борьба съ грѣхомъ похоти.

317. Назначеніе человѣка есть служеніе Богу увеличеніемъ въ себѣ любви. Чѣмъ меньше будетъ у человѣка потребностей, тѣмъ легче ему будетъ служить Богу и людямъ, и потому тѣмъ больше онъ получитъ истиннаго блага увеличеніемъ въ себѣ любви.

318. Но кромѣ того блага истинной жизни, котораго человѣкъ получаетъ тѣмъ больше, чѣмъ свободнѣе онъ будетъ отъ грѣха похоти, положеніе человѣка въ мірѣ таково, что если онъ отдается своимъ потребностямъ только въ той мѣрѣ, въ которой онѣ требуютъ своего удовлетворенія, а не направляетъ свой разумъ на увеличеніе наслажденій отъ удовлетворенія ихъ, то это удовлетвореніе даетъ ему наибольшее въ этомъ отношеніи доступное благо. При всякомъ же увеличеніи своихъ потребностей, все равно удовлетворяются ли онѣ или нѣтъ, благо мірской жизни неизбѣжно уменьшается.

319. Наибольшее благо отъ удовлетворенія своихъ потребностей ѣды, питья, сна, одежды, крова, человѣкъ получитъ тогда, когда онъ будетъ удовлетворять ихъ, какъ животное, инстинктивно и не для того, чтобы получить наслажденіе, а для того, чтобы уничтожить начинающееся страданіе — наибольшее наслажденіе отъ пищи человѣкъ получитъ не тогда, когда у него будетъ утонченная пища, а тогда, когда онъ проголодается, и отъ одежды не тогда, когда она будетъ очень красива, а когда онъ озябнетъ, и отъ дома, не тогда, когда будетъ роскошенъ, а когда онъ укроется въ него отъ непогоды.

320. Человѣкъ, пользующійся богатымъ обѣдомъ, одеждой, домомъ безъ нужды, получитъ меньше удовольствія, чѣмъ человѣкъ, пользующійся самой бѣдной пищей, одеждой, кровомъ, но послѣ того, какъ онъ проголодался, озябъ, измокъ, такъ что усложненіе средствъ удовлетворенія потребностей и

изобиліе ихъ не увеличиваетъ блага личной жизни, а уменьшаетъ его.

321. Излишество въ удовлетвореніи потребностей лишаетъ человѣка самого источника наслажденія при удовлетвореніи потребностей: оно разрушаетъ здоровье организма: никакая пища не доставляетъ удовольствія больному, разслабленному желудку, никакая одежда и никакіе дома не согрѣваютъ бѣдныя кровью тѣла.

322. Таковы послѣдствія грѣха похоти для согрѣшающаго, для окружающихъ же людей послѣдствія его тѣ, что во первыхъ нуждающіеся люди лишены тѣхъ предметовъ, которые потребляются роскошествующимъ; во вторыхъ всѣ тѣ малодушные люди, которые видятъ излишества роскошествующаго но не видятъ его страданій, соблазняются его положеніемъ и влекутся къ тому же грѣху и вмѣсто естественныхъ ко всѣмъ, радостныхъ братскихъ чувствъ, испытываютъ мучительную зависть и нелюбовь къ роскошествующимъ. Вотъ это долженъ знать человѣкъ для того, чтобы успѣшно бороться съ грѣхомъ похоти.

323. Уничтожить въ отдѣльномъ существѣ человѣка стремленіе къ увеличенію наслажденія отъ удовлетворенія потребностей невозможно, пока человѣкъ живетъ въ тѣлѣ, но человѣкъ можетъ довести въ себѣ это стремленіе до наименьшей степени, и въ этомъ состоитъ борьба съ этимъ грѣхомъ.

324. Для наибольшаго освобожденія себя отъ этого грѣха похоти человѣкъ долженъ прежде всего ясно понимать и помнить, что всякое усложненіе

удовлетворенія своихъ потребностей не увеличитъ, а уменьшитъ его благо и произведетъ ненужное зло въ другихъ людяхъ.

325. Для освобожденія себя отъ привычки грѣха человѣкъ долженъ начинать съ того, чтобы не увеличивать свои потребности, не измѣнять того, къ чему онъ привыкъ, не перенимать и не придумывать новаго; не начать пить чай, когда жилъ и былъ здоровъ безъ чая; не строить новый дворецъ, когда жилъ въ старомъ. Не дѣлать этого кажется такъ мало, а если бы люди только не дѣлали этого, то уничтожилось бы 0,999 грѣховъ и страданій людскихъ.

326. Только твердо воздерживаясь отъ внесенія новой роскоши въ свою жизнь, можетъ человѣкъ начать борьбу съ грѣхами наслѣдственности; можетъ человѣкъ, привыкшій пить чай и ѣсть мясо или человѣкъ, привыкшій къ шампанскому и рысакамъ, понемногу отвыкать отъ того, что лишнее и переходить отъ привычекъ болѣе роскошныхъ къ привычкамъ болѣе скромнымъ.

327. И только отвыкнувъ отъ привычекъ роскошествующихъ и спустившись на ступень самыхъ бѣдныхъ людей, можетъ человѣкъ начать бороться съ природными грѣхами похоти, т. е. уменьшить свои потребности въ сравненіи даже съ самыми бѣдными и воздержными людьми.

56.

Борьба съ грѣхомъ корысти.

328. Истинное благо человѣка состоитъ въ проявленіи любви, и при этомъ человѣкъ поставленъ въ

такое положеніе, что онъ никогда не знаетъ, когда онъ умретъ и что каждый часъ его жизни можетъ быть послѣднимъ, такъ что разумный человѣкъ никакъ не можетъ ради заботы обезпеченія будущаго, которое можетъ не наступить, нарушать любовь въ настоящемъ. А это самое дѣлаютъ люди, стараясь пріобрѣсти собственность и удержать ее отъ другихъ людей для обезпеченія будущаго своего и своей семьи.

329. Но кромѣ того, что люди, поступая такъ, лишаютъ себя блага истиннаго, они и не достигаютъ и того блага отдѣльной личности, которое всегда обезпечено человѣку.

300. Человѣку свойственно своимъ трудомъ удовлетворять своимъ потребностямъ и даже заготовлять предметы своихъ потребностей, какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя животныя, и, поступая такъ, человѣкъ получаетъ наибольшее доступное благо своего отдѣльнаго существа.

331. Но какъ скоро человѣкъ начинаетъ заявлять исключительныя права на эти заготовленные или инымъ способомъ пріобрѣтенные предметы, такъ благо его отдѣльнаго существа не только уменьшается, но замѣняется страданіемъ этого существа.

332. Человѣкъ, полагающійся въ обезпеченіи своего будущаго на свой трудъ, взаимную помощь людей, а главное на такое устройство міра, при которомъ люди также обезпечены въ жизни, какъ птицы небесныя или цвѣты полевые, можетъ спокойно отдаваться всѣмъ радостямъ жизни, человѣкъ же,

начавшій самъ обезпечивать свое будущее имущество, не можетъ имѣть ни минуты покоя.

333. Во первыхъ онъ никогда не знаетъ, насколько ему нужно себя обезпечить: на мѣсяцъ, на годъ, на десять лѣтъ, на слѣдующее поколѣніе? Во вторыхъ заботы объ имуществѣ все больше и больше отвлекаютъ человѣка отъ простыхъ радостей жизни; въ третьихъ онъ всегда боится захватовъ другихъ людей, всегда борется для удержанія и увеличенія пріобрѣтеннаго и, отдавая всю жизнь заботѣ о будущемъ, теряетъ жизнь настоящую.

334. Таковы послѣдствія грѣха собственности для согрѣшающаго, для окружающихъ же послѣдствія его: лишенія вслѣдствіе захватовъ.

335. Уничтожить въ себѣ стремленіе къ удержанію исключительно для себя необходимыхъ предметовъ одежды, орудія, куска хлѣба на завтра почти невозможно, но довести это стремленіе до наименьшей степени — возможно, и въ этомъ доведеніи грѣха собственности до наименьшей степени и состоитъ борьба съ этимъ грѣхомъ.

336. И потому, для того, чтобы избавиться отъ грѣха собственности, человѣкъ долженъ ясно понимать и помнить, что всякое обезпеченіе будущаго посредствомъ пріобрѣтенія и удержанія имущества, не увеличитъ блага жизни его отдѣльнаго существа, а уменьшитъ его и произведетъ большое, ненужное зло тѣмъ людямъ, среди которыхъ пріобрѣтается и удерживается имущество.

337. Для того же, чтобы бороться съ привычкой грѣха, нужно начинать съ того, чтобы не увеличивать

того имущества, обезпечивающаго будущее, которое имѣешь, — будутъ ли это милліоны или десятки мѣшковъ ржи на пищу въ продолженіи года. Только бы люди поняли, что ихъ благо и жизнь, даже животная жизнь, не обезпечивается имуществомъ и не увеличивали бы на счетъ другого того, что каждый считаетъ своимъ и тогда бы исчезла большая часть бѣдствій, отъ которыхъ страдаютъ люди.

338. Только когда человѣкъ уже умѣетъ воздерживаться отъ увеличенія своего имущества, можетъ онъ съ успѣхомъ начать освобожденіе себя отъ того, что онъ имѣетъ, и только освободившись отъ всего наслѣдственнаго, можетъ начать бороться съ грѣхами прирожденными, т. е. отдавать другимъ то, что считается необходимымъ для поддержанія самой жизни.

57.

Борьба съ грѣхомъ властолюбія.

339. «Цари царствуютъ надъ народами и величаются, но между вами да не будетъ такъ, — кто хочетъ быть первымъ, тотъ да будетъ всѣмъ слуга» — говоритъ христіанское ученіе. По христіанскому ученію человѣкъ посланъ въ міръ для того, чтобы служить Богу; служеніе же Богу совершается проявленіемъ любви. Любовь же можетъ проявиться только черезъ служеніе людямъ и потому всякая борьба человѣка, пробудившагося къ разумному сознанію, съ другими существами — борьба, т. е. насиліе, желаніе заставить другого совершить поступокъ, противный его волѣ, — противны назна-

ченію человѣка и препятствуетъ его истинному благу.

340. Но, кромѣ того, что человѣкъ, пробудившійся къ разумному сознанію и вступающій въ борьбу съ другими существами, лишаетъ себя этимъ блага истинной жизни, онъ не достигаетъ и того блага отдѣльнаго существа, къ которому стремится.

341. Человѣкъ, живущій еще одною животною жизнью, какъ ребенокъ или животное, борется съ другими существами только до тѣхъ поръ, пока этой борьбы требуютъ его животные инстинкты: отнимаетъ кусокъ у другого только, пока онъ голоденъ и сгоняетъ другого съ мѣста только до тѣхъ поръ, пока ему самому нѣтъ мѣста, употребляетъ на эту борьбу только физическую силу и, побѣдивъ или будучи побѣжденъ въ борьбѣ, прекращаетъ ее. И, поступая такъ, получаетъ наибольшее благо, которое доступно ему, какъ отдѣльному существу.

342. Но не то бываетъ съ человѣкомъ съ пробудившимся разумомъ, вступающимъ въ борьбу: человѣкъ съ пробудившимся разумомъ, вступая въ борьбу, употребляетъ на это весь свой разумъ и ставитъ цѣль свою въ борьбѣ и потому никогда не знаетъ, когда прекратить ее и, побѣдивъ, увлекается желаніемъ дальнѣйшихъ побѣдъ, вызывая въ побѣжденныхъ ненависть, отравляющую его жизнь, если онъ побѣдитель, — будучи же побѣжденъ, самъ страдаетъ отъ униженія и ненависти. Такъ что человѣкъ разумный, вступающій въ борьбу съ существами, не только не увеличиваетъ блага своего

отдѣльнаго существа, но уменьшаетъ его и замѣняетъ его имъ самимъ произведенными страданіями.

343. Человѣкъ, избѣгающій борьбы, смиряющійся, во первыхъ, свободенъ и можетъ отдавать свои силы на то, что привлекаетъ его, во вторыхъ, любя другихъ и смиряясь передъ ними, вызываетъ въ нихъ любовь, и поэтому можетъ пользоваться тѣми благами мірской жизни, которыя выпадаютъ на его долю, тогда какъ человѣкъ разумный, вступающій въ борьбу, неизбѣжно отдаетъ уже всю жизнь на усилія борьбы и, во вторыхъ, вызывая борьбой отпоръ и ненависть въ другихъ людяхъ, не можетъ спокойно пользоваться тѣми благами, которыя онъ завоевалъ борьбой, такъ какъ долженъ не переставая защищать ихъ.

344. Таковы послѣдствія грѣха борьбы для согрѣшающаго, для окружающихъ его послѣдствія грѣха во всякаго рода страданіяхъ, лишеніяхъ, которыя терпятъ побѣжденные, главное въ тѣхъ чувствахъ ненависти, которыя они вызываютъ въ людяхъ вмѣсто естественнаго или любовнаго братскаго чувства.

345. Хотя и никогда, пока онъ въ жизни, человѣкъ не освободится отъ условій борьбы, но чѣмъ больше соотвѣтственно своимъ силамъ освободится отъ нихъ человѣкъ, тѣмъ больше онъ достигаетъ истиннаго блага, тѣмъ больше приложится ему блага мірскаго и тѣмъ больше онъ будетъ содѣйствовать благу міра.

346. И потому, для того, чтобы избавиться отъ грѣха борьбы, человѣкъ долженъ ясно понимать и

помнить, что какъ истинное и духовное, такъ и временное животное благо его будетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше будетъ его борьба съ людьми и всѣми другими существами, и чѣмъ больше будетъ его покорность и смиреніе, чѣмъ больше онъ пріучится подставлять другую щеку тому, кто ударитъ и отдавать кафтанъ тому, кто береть рубаху.

347. Для того же, чтобы не впасть въ привычку грѣха, человѣкъ долженъ начинать съ того, чтобы не увеличивать въ себѣ того грѣха борьбы, въ которомъ онъ находится: если человѣкъ уже находится въ борьбѣ съ животными или людьми, такъ что вся жизнь его плотская поддерживается этой борьбой, пусть онъ продолжаетъ эту борьбу, не усиливая ее, и не вступаетъ въ борьбу съ другими существами, — и онъ сдѣлаетъ уже много для избавленія себя отъ грѣха борьбы. Если бы люди только не усиливали борьбы, борьба все болѣе и болѣе бы уничтожалась, такъ какъ всегда есть люди, все болѣе и болѣе отказывающіеся отъ борьбы.

348. Если же человѣкъ достигъ до того, что живетъ, не увеличивая борьбу съ окружающими существами, тогда пусть трудится надъ тѣмъ, чтобы уменьшить, ослабить то состояніе наслѣдственной борьбы, въ которомъ находится всякій человѣкъ, вступая въ жизнь.

349. Если же человѣкъ успѣетъ освободиться отъ той борьбы, въ которой онъ воспитанъ, пусть онъ пытается освободиться и отъ тѣхъ природныхъ условій борьбы, въ которыхъ находится каждый человѣкъ.

58

Борьба съ грѣхомъ блуда.

350. Назначеніе человѣка есть служеніе Богу, состоящее въ проявленіи любви ко всѣмъ существамъ и людямъ; человѣкъ же, отдающійся похоти любви, ослабляетъ свои силы и отвлекаетъ ихъ отъ служенія Богу и потому, предаваясь половой похоти, лишаетъ себя блага истинной жизни.

351. Но кромѣ того, что человѣкъ, предающійся половой похоти въ какой бы то ни было формѣ, лишаетъ себя блага истиннаго, онъ не достигаетъ и того блага, котораго ищетъ.

352. Если человѣкъ живетъ въ правильномъ бракѣ, вступая въ половое общеніе только тогда, когда могутъ быть дѣти, и воспитываетъ дѣтей, то неизбѣжно наступаютъ для матери страданія и заботы, для отца заботы о матери и ребенкѣ, взаимныя охлажденія и частыя ссоры между супругами и родителями и дѣтьми.

353. Если же человѣкъ вступаетъ въ половое общеніе безъ цѣли возращенія и воспитанія дѣтей, старается не имѣть ихъ, а имѣя не заботится о нихъ и мѣняетъ предметы любви, то еще менѣе становится возможнымъ благо отдѣльнаго существа и человѣкъ несомнѣнно подвергается страданіямъ тѣмъ болѣе жестокимъ, чѣмъ болѣе онъ предается половой страсти: являются разслабленіе физическихъ и духовныхъ силъ, ссоры, болѣзни. И нѣтъ того утѣшенія, которое имѣютъ живущіе въ правильномъ бракѣ супруги — семьи и всей ея помощи и радости.

354. Таковы послѣдствія грѣха блуда для совершающаго, для другихъ же людей они состоятъ въ томъ во первыхъ, что то лицо, съ которымъ совершается грѣхъ, несетъ тѣ же послѣдствія грѣха: лишеніе истиннаго и временнаго блага и тѣ же страданія и болѣзни; для окружающихъ же: уничтоженіе дѣтей въ зародышѣ, дѣтоубійство, оставленіе дѣтей безъ призрѣнія и воспитанія и ужасающее зло, губящее души людскія — проституція.

355. Уничтожить въ себѣ стремленіе къ похоти не можетъ ни одно живое существо, не можетъ и человѣкъ, если не принимать въ разсчетъ исключенія. Оно и не можетъ быть иначе, такъ какъ похоть эта обезпечиваетъ существованіе рода человѣческаго и потому пока высшей волѣ нужно будетъ существованіе человѣческаго рода, будетъ въ немъ и блудъ.

356. Но блудъ этотъ можетъ быть доведенъ до наименьшей степени и нѣкоторыми людьми можетъ быть доведенъ до полнаго цѣломудрія. И въ этомъ то уменьшеніи и доведеніи его до наименьшей степени и даже до цѣломудрія для нѣкоторыхъ, какъ это сказано въ евангеліи, и состоитъ борьба съ грѣхомъ блуда.

357. И потому, для того, чтобы избавиться отъ грѣха блуда, человѣку надо понимать и помнить, что блудъ есть необходимое условіе жизни всякаго животнаго и человѣка, какъ животнаго, но что пробудившееся въ человѣкѣ разумное сознаніе требуетъ отъ него обратнаго, т. е. полнаго воздержанія, полнаго цѣломудрія, и что чѣмъ больше онъ будетъ предаваться блуду, тѣмъ меньше онъ получитъ не

только истиннаго, но и временнаго животнаго блага и тѣмъ больше онъ доставитъ страданія и себѣ и другимъ людямъ.

358. Для того же, чтобы противодѣйствовать привычкѣ грѣха, человѣкъ долженъ начинать съ того, чтобы не увеличивать въ себѣ того грѣха блуда, въ которомъ онъ находится. Если человѣкъ цѣломудренъ, пусть не нарушаетъ своего цѣломудрія; если онъ женатъ, пусть остается вѣренъ своему супругу; если онъ имѣетъ общеніе со многими, пусть продолжаетъ жить такъ, не придумывая неестественныхъ пріемовъ разврата. Пусть не измѣняетъ своего положенія и не увеличиваетъ своего грѣха блуда. Только бы люди исполняли это и уничтожились бы большія страданія ихъ.

359. Если же человѣкъ достигъ того, что не дѣлаетъ новаго грѣха, тогда пусть трудится надъ тѣмъ, чтобы уменьшить тотъ грѣхъ блуда, въ которомъ онъ находится: пусть цѣломудренный на дѣлѣ борется съ мысленнымъ грѣхомъ блуда; пусть женатый старается уменьшить и упорядочить половое общеніе. Пусть знающій многихъ женщинъ и женщина, знающая многихъ мущинъ, станутъ вѣрны избраннымъ супругамъ.

360. Если же человѣкъ съумѣетъ освободиться отъ тѣхъ привычекъ блуда, въ которыхъ онъ уже находится, тогда пусть стремится освободиться и отъ тѣхъ прирожденныхъ условій блуда, въ которыхъ родится каждый человѣкъ.

361. Хотя только рѣдкіе люди могутъ вполнѣ быть цѣломудренны, пусть всякій человѣкъ пони-

мастъ и помнитъ, что онъ всегда можетъ быть болѣе цѣломудренъ, чѣмъ онъ былъ прежде, и можетъ вернуться къ нарушенному цѣломудрію и что чѣмъ больше соотвѣтственно своимъ силамъ приблизится человѣкъ къ полному цѣломудрію, тѣмъ больше онъ достигаетъ истиннаго блага, тѣмъ больше приложится ему блага мірскаго и тѣмъ больше онъ будетъ содѣйствовать благу людей.

ЧАСТЬ VII.

О молитвѣ.

59.

Особенныя средства борьбы съ грѣхами.

362. Для того, чтобы не впадать въ обманъ, надо не довѣрять никому и ничему, а только одному разуму; для того, чтобы не впадать въ соблазнъ, надо не оправдывать поступковъ, противныхъ истинѣ, жизни; для того, чтобы не впадать въ грѣхъ, надо ясно понимать, что грѣхъ есть зло и лишаетъ человѣка не только его истиннаго блага, но и блага личнаго и производитъ зло въ людяхъ, и, кромѣ того, знать ту послѣдовательность грѣховъ, въ которой надо бороться съ ними.

363. Но люди знаютъ это и все таки впадаютъ въ грѣхъ. Происходитъ это отъ того, что люди или не знаютъ вполнѣ ясно, кто они такіе, что такое ихъ *я*, или забываютъ это.

364. Для того же, чтобы больше и больше, яснѣе и яснѣе узнавать себя и помнить о томъ, кто такое человѣкъ — есть одно могущественное средство. Средство это есть молитва.

60.

О молитвѣ.

365. Съ древнихъ временъ признано, что для человѣка есть необходимость молитвы.

366. Для людей прежняго времени молитва была и теперь остается для большинства людей обращеніемъ при извѣстныхъ условіяхъ: въ извѣстныхъ мѣстахъ, при извѣстныхъ дѣйствіяхъ и словахъ — къ Богу или богамъ для умилостивленія ихъ.

367. Христіанское ученіе не знаетъ такихъ молитвъ, но учитъ тому, что молитва необходима не какъ средство избавленія отъ мірскихъ бѣдствій и пріобрѣтеній мірскихъ благъ, а какъ средство укрѣпленія человѣка въ борьбѣ съ грѣхами.

368. Для борьбы съ грѣхами человѣку нужно понимать и помнить о своемъ положеніи въ мірѣ и при совершеніи каждаго поступка оцѣнивать его для того, чтобы не впасть въ грѣхъ. Для того и другого нужна молитва.

369. И потому молитва христіанская бываетъ двоякая: та, которая уясняетъ человѣку его положеніе въ мірѣ, — молитва временная и другая та, которая сопутствуетъ каждому его поступку, представляя его на судъ Богу, провѣряя его — молитва ежечасная.

61.

Молитва временная.

370. Молитва временная это такая молитва, которою человѣкъ въ лучшія свои минуты, отвлекаясь

отъ всего житейскаго, вызываетъ въ себѣ наиболѣе ясное сознаніе Бога и свое отношеніе къ нему.

371. Это та молитва, про которую говоритъ Христосъ въ 6-ой главѣ Матвѣя, противуполагая ее многословнымъ и публичнымъ молитвамъ фарисеевъ, и для которой необходимымъ условіемъ ставитъ уединеніе. Слова эти показываютъ людямъ, какъ не надо молиться.

372. Молитва же «Отче нашъ», также какъ и та молитва, которой Христосъ молился въ Гефсиманскомъ саду, показываетъ намъ, какъ надо молиться и въ чемъ должна состоять та истинная временная молитва, которая, уясняя сознаніе человѣка объ истинѣ его жизни, объ его отношеніи къ Богу и его назначеніи въ мірѣ, укрѣпляетъ его духовныя силы.

373. Такою молитвою можетъ быть выраженіе своими словами своего отношенія къ Богу; но такою же молитвой было и всегда будетъ для всѣхъ людей повтореніе выраженій и мыслей прежде насъ жившихъ людей, высказывавшихъ свое отношеніе къ Богу и единеніе душой съ этими людьми и съ Богомъ. Такъ Христосъ молился, повторяя слова псалма и мы истинно молимся, повторяя слова Христа, и не только Христа, — Сократа, Будды, Лаодзи, Паскаля и др., если мы переживаемъ то духовное состояніе, которое переживали эти люди, и выразили въ своихъ дошедшихъ до насъ выраженіяхъ.

374. И потому истинная временная молитва будетъ не та, которая будетъ совершаться въ опредѣленные часы и дни, а только та, которая совершается въ минуты высшаго душевнаго настроенія, такія ми-

нуты, которыя находятъ на каждаго человѣка, которыя иногда вызываются страданіями или близостью смерти, иногда же приходятъ безъ всякаго внѣшняго повода и которыми человѣкъ долженъ дорожить какъ высшей драгоцѣнностью и пользоваться ими для все бо̀льшаго и бо̀льшаго уясненія своего сознанія, потому что только въ эти минуты совершается наше движеніе впередъ и приближеніе къ Богу.

375. Совершаться такая молитва не можетъ ни въ собраніяхъ, ни при внѣшнихъ воздѣйствіяхъ, а непремѣнно при совершенномъ уединеніи и свободѣ отъ всякаго внѣшняго, разсѣивающаго вліянія.

376. Молитва эта есть та молитва, которая движетъ человѣка отъ низшей ступени жизни къ высшей; отъ животнаго къ человѣку, отъ человѣка къ Богу.

377. Только благодаря этой молитвѣ человѣкъ познаетъ самого себя, свою божественную природу и чувствуетъ тѣ предѣлы, которые связываютъ его божественную природу, и чувствуя ихъ, стремится разорвать ихъ и этимъ стремленіемъ расширяетъ ихъ.

378. Это та молитва, которая, уясняя сознаніе, дѣлаетъ для человѣка невозможными грѣхи, въ которые онъ впадалъ прежде, и представляетъ ему грѣхомъ то, что прежде и не казалось ему грѣховнымъ.

62.

Молитва ежечасная.

379. Въ своемъ движеніи отъ животной жизни къ жизни истинной и духовной, въ своемъ рожденіи

къ новой жизни, въ борьбѣ своей съ грѣхомъ, всякій человѣкъ всегда находится къ грѣху въ трехъ различныхъ отношеніяхъ: одни грѣхи побѣждены человѣкомъ, они какъ пойманные звѣри сидятъ на цѣпи и только изрѣдка своимъ рычаніемъ напоминаютъ о себѣ, о томъ, что они еще живы. Эти грѣхи назади. Другіе грѣхи такіе, которые человѣкъ только что увидалъ; такіе поступки, которые онъ дѣлалъ всю жизнь, не считая ихъ грѣхами, и грѣховность которыхъ только что увидалъ вслѣдствіе уясненія своего сознанія въ временной молитвѣ. Человѣкъ видитъ грѣховность этихъ поступковъ, но онъ такъ привыкъ ихъ совершать, такъ недавно и неясно еще увидалъ грѣховность этихъ дѣлъ, что еще и не пытается бороться съ ними. И есть третій родъ дѣлъ, грѣховность которыхъ человѣкъ ясно видитъ, съ которыми уже борется, и которые иногда совершаетъ, поддаваясь грѣху, иногда не совершаетъ, побѣждая грѣхъ.

380. Для борьбы съ этими то грѣхами и нужна молитва ежечасная. Молитва ежечасная состоитъ въ томъ, что она напоминаетъ человѣку во всѣ минуты его жизни, при всѣхъ поступкахъ его, въ чемъ его жизнь и благо, и потому въ тѣхъ дѣлахъ жизни, въ которыхъ человѣкъ еще властенъ побѣдить животную природу духовнымъ сознаніемъ, содѣйствуетъ ему въ этомъ.

381. Молитва ежечасная есть постоянное сознаніе присутствія Бога, есть постоянное во время посланничества сознаніе посланникомъ присутствія Пославшаго.

382. Рожденіе къ новой жизни, освобожденіе

себя отъ узъ животной природы, освобожденіе себя отъ грѣха, совершается только медленными усиліями. Временная молитва, освѣщая сознаніе человѣка, открываетъ ему его грѣхъ. Грѣхъ сначала кажется ему не важнымъ, переносным, но чѣмъ дольше живетъ человѣкъ, тѣмъ настоятельнѣе становится необходимость освободиться отъ грѣха. И если человѣкъ только не поддаетъ соблазну, скрывающему грѣхъ, онъ неизбѣжно вступаетъ въ борьбу съ грѣхомъ.

383. Но съ первыхъ же попытокъ преодолѣть грѣхъ, человѣкъ чувствуетъ свое безсиліе: грѣхъ влечетъ къ себѣ всей сладостью привычки грѣха; противопоставить же грѣху человѣкъ ничего не можетъ, кромѣ сознанія того, что грѣшить не хорошо, и человѣкъ, зная, что то, что онъ дѣлаетъ, дурно, продолжаетъ дѣлать это дурное.

384. Выходъ изъ этого положенія одинъ. Одни религіозные учители видятъ его въ томъ, что существуетъ особенная сила, называемая благодатью, поддерживающая человѣка въ его борьбѣ съ грѣхомъ, которая пріобрѣтается черезъ извѣстныя дѣйствія, называемыя таинствами. Другіе учители выходъ изъ этого положенія видятъ въ вѣрѣ въ искупленіе, совершившееся смертью за людей Христа Бога. Третьи видятъ этотъ выходъ въ молитвѣ къ Богу о подкрѣпленіи силъ человѣка въ борьбѣ его съ грѣхомъ.

385. Но ни то, ни другое, ни третье средство не облегчаетъ человѣку борьбу съ грѣхомъ; несмотря на благодать таинства, на вѣру въ искупленіе,

на простительную молитву, всякій человѣкъ, искренно начавшій бороться съ грѣхомъ, не можетъ не чувствовать всей своей слабости передъ могуществомъ грѣха и безнадежности борьбы съ нимъ.

386. Безнадежность борьбы представляется въ особенности потому, что человѣкъ, понявъ неправду грѣха, желаетъ сразу освободиться отъ него, въ чемъ поддерживаютъ его разныя лжеученія объ искупленіи, таинствахъ и т. п. и, чувствуя безсиліе освобожденія, сразу пренебрегаетъ тѣми ничтожными усиліями, которыя онъ можетъ сдѣлать для освобожденія себя отъ грѣха.

387. А между тѣмъ, какъ всѣ великіе перевороты въ матеріальномъ мірѣ совершаются не вдругъ, а медленнымъ и постепеннымъ отпаденіемъ или наростаніемъ, такъ и въ духовномъ мірѣ освобожденіе отъ грѣха и приближеніе къ совершенству совершается только медленнымъ противодѣйствіемъ грѣху, — уничтоженіемъ одной за другой мельчайшихъ частицъ его.

388. Не во власти человѣка избавиться отъ грѣха, набиравшаго привычку впродолженіи многихъ годовъ, но совершенно во власти человѣка не дѣлать поступки, которые вовлекаютъ во грѣхъ, уменьшать привлекательность грѣха, поставить себя въ невозможность сдѣлать грѣхъ, отсѣкать руку и глазъ, которые соблазняютъ его. И дѣлать это каждый день и каждую минуту, и чтобы быть въ состояніи дѣлать это, нужна ежечасная молитва.

ЧАСТЬ VIII.

Заключеніе.

63.

Чего можетъ ожидать человѣкъ, живущій христіанской жизнью въ настоящемъ?

389. Есть религіозныя ученія, которыя обѣщаютъ людямъ, слѣдующимъ имъ, полное и совершенное благо въ жизни не только въ будущей, но и въ этой. Есть даже такое пониманіе и христіанскаго ученія. Люди, понимающіе такъ христіанское ученіе, говорятъ, что стòитъ только человѣку слѣдовать ученію Христа: отрекаться отъ себя, любить людей, и жизнь его будетъ неперестающей радостью. Есть другія религіозныя ученія, которыя въ жизни человѣческой видятъ нескончаемыя необходимыя страданія, которыя человѣкъ долженъ переносить, ожидая награды въ будущей жизни. Есть такое пониманіе и христіанскаго ученія: одни видятъ въ жизни постоянную радость, другіе — постоянное страданіе.

390. Ни то, ни другое пониманіе не вѣрно. Жизнь не есть радость и не есть страданіе. Она можетъ представляться радостью или страданіемъ только тому человѣку, который своимъ *я* считаетъ свое отдѣльное существо; только для этого *я* можетъ

быть радость или страданіе. Жизнь же по христіанскому ученію въ его истинномъ смыслѣ не есть ни радость, ни страданіе, а есть рожденіе и ростъ истиннаго духовнаго *я* человѣка, при которомъ не можетъ быть ни радости, ни страданія.

391. По христіанскому ученію жизнь человѣческая есть постоянное увеличеніе его сознанія любви. И такъ какъ ростъ души человѣческой — увеличеніе любви — непрестанно совершается, и непрестанно совершается въ мірѣ то дѣло Божіе, которое совершается этимъ ростомъ, то человѣкъ, понимающій свою жизнь, какъ учитъ понимать ее христіанское ученіе, какъ увеличеніе любви для установленія Царства Божія, никогда не можетъ быть несчастливъ и неудовлетворенъ.

392. На пути его жизни могутъ встрѣчаться радости и страданія для его животной личности, которой онъ не можетъ не чувствовать, которымъ не можетъ не радоваться и которыми не можетъ не страдать, но никогда онъ не можетъ испытывать полнаго счастья (и потому и не можетъ желать его) и никогда не можетъ быть несчастливъ (и потому и не можетъ бояться страданій и желать избѣжать ихъ, если они стоятъ на пути его).

393. Человѣкъ, живущій христіанской жизнью, не приписываетъ своимъ радостямъ большого значенія, не смотритъ на нихъ, какъ на осуществленіе своихъ желаній; а только какъ на случайныя, встрѣчающіяся на пути жизни явленія, какъ на то, что само собой прикладывается тому, кто ищетъ царства Божія и правды его, и на страданія свои смотритъ

не какъ на то, чего не должно быть, а какъ на столь же необходимое въ жизни явленіе, какъ треніе при работѣ, зная, напротивъ, что какъ треніе признакъ совершающейся работы, такъ и страданія признакъ совершающагося дѣла Божія.

394. Человѣкъ, живущій христіанской жизнью, всегда свободенъ, потому что то самое, что составляетъ смыслъ его жизни — устраненіе препятствій, мѣшающихъ любви и, вслѣдствіе этого, увеличеніе любви и установленіе царства Божія и есть то самое, чего онъ хочетъ всегда и что неудержимо совершается въ его жизни; онъ всегда спокоенъ, потому что съ нимъ ничего не можетъ случиться того, чего онъ не хочетъ.

395. Не надо думать, что человѣкъ, живущій христіанскою жизнью, всегда испытываетъ эту свободу и спокойствіе, вседа принимаетъ радости, не увлекаясь ими, какъ нѣчто случайное, не желая удержать ихъ, и страданіе, какъ необходимое условіе движенія жизни. Христіанинъ можетъ временно увлекаться радостями, стараясь произвести и удержать ихъ, можетъ временно мучиться отъ страданій, принимая ихъ за нѣчто ненужное, которое бы могло и не быть, но при потеряхъ радостей, при страхѣ и боли страданій христіанинъ тотчасъ же вспоминаетъ свое христіанское достоинство, свое посланничество, и радости и страданія становятся на настоящее мѣсто, и онъ опять становится свободенъ и спокоенъ.

396. Такъ что и въ мірскомъ отношеніи положеніе христіанина не хуже, а лучше положенія не-

христіанина. «Ищите царства Божія и правды его, и все остальное приложится вамъ», значитъ то, что всѣ мірскія радости жизни не закрыты отъ христіанина, но вполнѣ доступны ему, съ тою только разницею, что тогда какъ радости нехристіанина могутъ быть искуственны и переходить въ пресыщенія, въ страданія, и потому представляются ему ненужными и безвыходными, — для христіанина же радости болѣе простыя, естественныя и потому болѣе сильныя, никогда не производящія ни пресыщенія, и страданія, — никогда не могутъ быть такъ больны и казаться столь безсмысленными, какъ онѣ представляются нехристіанину.

Таково положеніе христіанина въ жизни настоящаго; но чего можетъ ожидать христіанинъ въ будущемъ?

64.

Чего можетъ человѣкъ ожидать въ будущемъ?

397. Человѣкъ, живя въ этомъ мірѣ въ своей тѣлесной оболочкѣ, не можетъ себѣ представить жизнь иначе, какъ въ пространствѣ и времени, и потому естественно спрашиваетъ, *гдѣ* онъ *будетъ* послѣ смерти.

398. Но вопросъ этотъ ошибоченъ: божественная сущность души нашей духовная, внѣвременная и внѣпространственная, въ этой жизни заключенная въ тѣло, выходя изъ него перестаетъ находиться въ условіяхъ пространства и времени и потому про сущность эту нельзя сказать, что она *будетъ*. Она *есть*. Какъ и сказалъ Христосъ: «Прежде чѣмъ

былъ Авраамъ, я есмь.» Такъ и всѣ мы. Если мы есмы, то мы всегда были и будемъ. Мы есмы.

399. Точно тоже и по вопросу, *гдѣ* мы будемъ. Когда мы говоримъ *гдѣ*, мы говоримъ о томъ мѣстѣ, въ которомъ мы будемъ. Но понятіе мѣста произошло только отъ того отдѣленія отъ всего остального, въ которое мы поставлены. При смерти отдѣленіе это уничтожится и потому мы будемъ для людей, живущихъ въ этомъ мірѣ, вездѣ или нигдѣ. Мы будемъ такими, для которыхъ нѣтъ мѣста.

400. Существуетъ много различныхъ гаданій о томъ, что и гдѣ будетъ послѣ смерти; но всѣ эти гаданія отъ самыхъ грубыхъ до самыхъ утонченныхъ не могутъ удовлетворить разумнаго человѣка. Блаженство, сладострастіе Магомета слишкомъ грубо и очевидно несовмѣстимо съ истиннымъ понятіемъ о человѣкѣ и Богѣ. Точно также несовмѣстимо съ понятіемъ о Богѣ любви и церковное представленіе о раѣ и адѣ. Переселеніе душъ менѣе грубо, но точно также удерживаетъ представленіе объ отдѣльности существа: понятіе нирваны устраняетъ всю грубость представленія, но нарушаетъ требованія разума — разумности существованія.

401. Такъ что никакое представленіе о томъ, что будетъ послѣ смерти, не даетъ отвѣта, который бы удовлетворилъ разумнаго человѣка.

402. И оно не можетъ быть иначе. Вопросъ поставленъ ложно. Разумъ человѣческій, могущій мыслить только въ условіяхъ пространства и времени, хочетъ дать отвѣтъ о томъ, что будетъ внѣ этихъ условій. Разумъ знаетъ одно: что сущность

божественная есть, что она росла въ этомъ мірѣ. И дойдя до извѣстной степени своего роста, вышла изъ этихъ условій.

403. Будетъ ли эта сущность опять продолжать дѣйствовать въ раздѣльности? Будетъ ли это увеличеніе любви причиною новаго дѣленія? Все это гаданія и такихъ гаданій можетъ быть еще много, но ни одно изъ нихъ не можетъ дать достовѣрность.

404. Одно достовѣрно и несомнѣнно — это то, что сказалъ Христосъ, умирая: «Въ руки Твои отдаю духъ мой.» Именно то, что умирая, я иду туда, откуда исшелъ. И если я вѣрю въ то, что то, отчего я исшелъ, есть разумная любовь (два эти свойства я знаю) — то я радостно возвращаюсь къ Нему, зная, что мнѣ будетъ хорошо. И не только не сокрушаюсь, но радуюсь тому переходу, который предстоитъ мнѣ

Конецъ.

р. к.

В. Короленко. Домъ № 13. Эпизодъ изъ Кишиневскаго погрома . . . 1 —

Вл. Карѣевъ[illegible]. Паденіе царской власти. Рѣчь русскаго юриста о событіяхъ въ Россіи . . . 1 —

В. Короленко. Груня. Не страшное. Огоньки. 1 —

Кровавое воскресенье въ С.-Петербургѣ 9-го января 1905 г. . . . 1 —

[illegible] Смертники. Изъ жизни русской каторги . . . 2 —

Матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ.

Томъ II. Анна Іоанновна . . . 2 —
„ III. Елисавета Петровна . . . [illegible] —
„ IV. Петръ III . . . 2 —
„ VII. Екатерина II . . . 2 —
„ VIII. Павелъ I . . . 5 —
„ IX. Александръ I . . . 2 —
„ X. Николай I . . . [illegible] —
„ XI. Александръ II . . . [illegible] —
„ XII. Александръ III . . . [illegible] —
„ XIII. Николай II . . . 2 —

[illegible] Мехелинъ. Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ . . . 4 —

Очеркъ современнаго положенія Финляндіи. — 80

[illegible] . . . 1 —

Е. Поповъ. Жизнь и смерть Е. И. Дрожжина. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого . . . 3 —

[illegible] „Царская“ конституція и контръ-революція . . . 1 —

[illegible] Дѣятельность германской соціальдемокр. — 80

Россія и Европа въ историческихъ условіяхъ соціальнаго и политическаго быта . . . 1 25

М. Е. Салтыковъ (Н. Щедринъ). [illegible] . . . [illegible] —

М. Е. Салтыковъ (Н. Щедринъ). Повѣсть о томъ, какъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ и др. сказки . . . [illegible]

		р. к.
[illegible] Николай II. [illegible]		6 —
В. Д. Спасовичъ. Семь судебныхъ рѣчей по громкимъ и политическимъ дѣламъ (1877—1887)		5 —
Сущность и значеніе дѣятельности графа Лорисъ-Меликова		1 —
Л. Н. Толстой. Великій грѣхъ. О земельной собственности. Съ письмами къ Николаю II, вел. князю Николаю Михайловичу и П. А. Столыпину		1 —
Л. Н. Толстой. [illegible]. Обращеніе къ духовенству		1 —
Л. Н. Толстой. Война и революція		— 60
Л. Н. Толстой. Гдѣ выходъ? Единственное средство		1 —
Л. Н. Толстой. Единое на потребу. О государственной власти		1 —
Л. Н. Толстой. Законъ насилія и законъ любви		3 —
Л. Н. Толстой. [illegible]		2 —
Л. Н. Толстой. Крейцерова соната. Полное изданіе съ послѣсловіемъ		2 —
Л. Н. Толстой. Николай Палкинъ. [illegible]. Дорого стоитъ		1 —
Л. Н. Толстой. Одумайтесь! По поводу русско-японской войны		1 50
Л. Н. Толстой. Офицерская памятка. Солдатская памятка. Письмо къ фельдфебелю		1 —
Л. Н. Толстой. Патріотизмъ и правительство. [illegible]		1 —
Л. Н. Толстой. Рабство нашего времени		1 [illegible]
Л. Н. Толстой. [illegible]		1 50
Л. Н. Толстой. Христіанское ученіе		2 —
Л. Н. Толстой. Христіанство и патріотизмъ		1 50
Л. Н. Толстой. Что такое религія и въ чемъ ея сущность?		1 —
Л. Н. Толстой. Царю и его помощникамъ. Отвѣтъ Синоду		— 80
Л. Н. Толстой. Церковь и государство и др. статьи		1 —

